Master Negative Storage Number

OCI00053.13

Potapov, Vasilii F.

Raskol'niki

Moskva

1891

Reel: 53 Title: 13

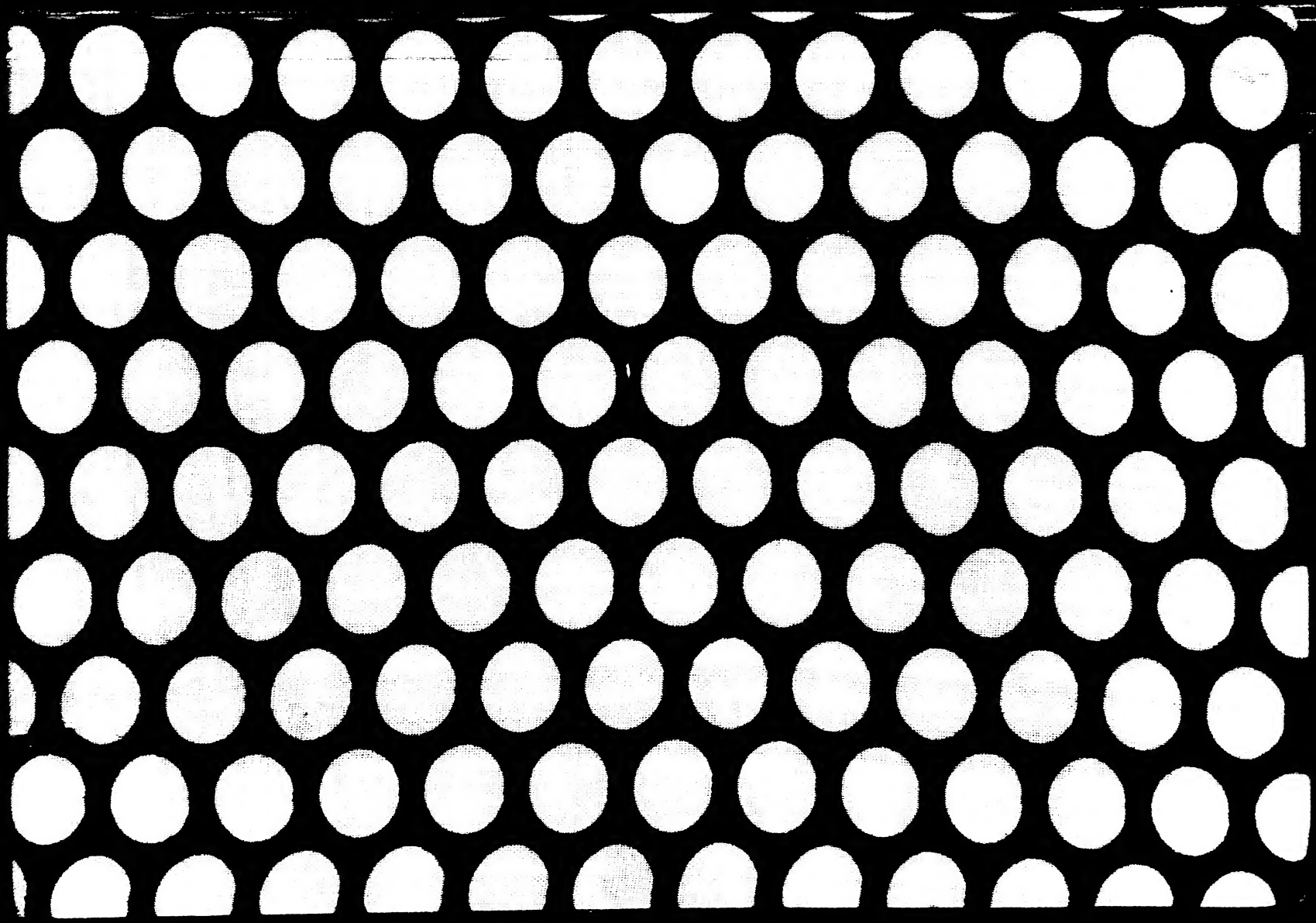
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

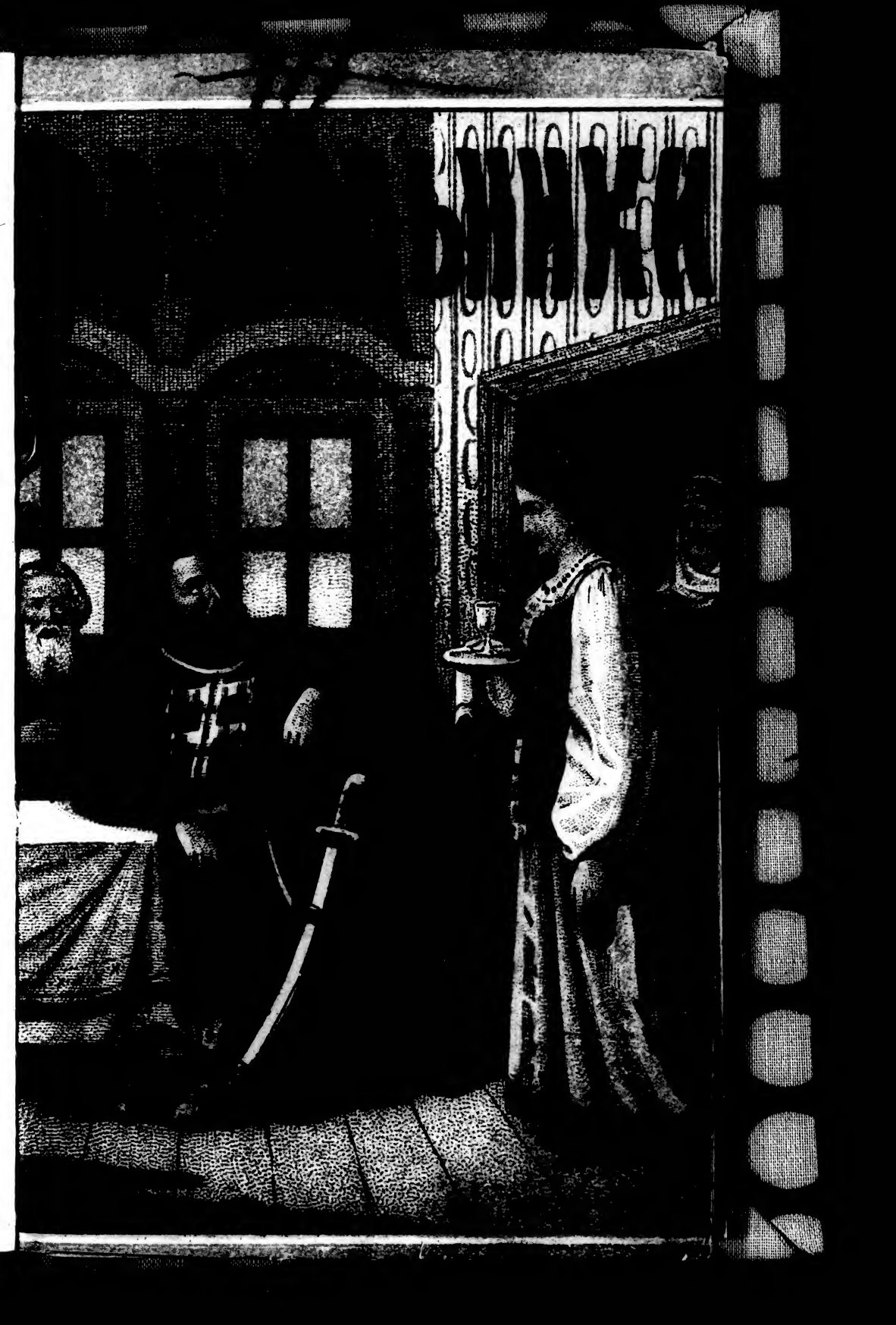
RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00053.13

Control Number: ABI-6020
OCLC Number : 07520852
Call Number : W 381.5917n P847r
Author : Potapov, Vasilii F.
Title : Raskol'niki : istoricheskii roman / sochinenie V. Potapova.
Edition : Izd. 3.
Imprint : Moskva : Tipografiia P.E. Astaf'eva, 1891.
Format : 2 v. in 1 (101, iv p.) ; 17 cm.
Note : Colored ill. on cover.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: CR





РАСКОЛЬНИКИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

Сочиненіе В. Потапова.

Часть первая.

„Такали, такали Новгородцы,
да и протакали"!...
Старинная пословица.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

К 98

МОСКВА.
1891.

Дозволено цензурою. Москва 15 Октября, 1890 г.

Типографія П. Е. Астафьева. Арбатъ, д. Платонова.

W 381.5917 N P847R

РАСКОЛЬНИКИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

РАСКОЛЬНИКИ.

„Для другихъ есть упованье
„Скорби чудная заря,
„Но страдальцу лишь страданье;
„Въ сашѣ горькой бытія.
„Онъ печально существуетъ,
„Онъ печали обреченъ...

Д. Сушковъ.

ГЛАВА I.

Дѣвушка съ зелеными глазами.

Карпъ Стригольникъ.—Разумный человѣкъ и Богачъ.—Семейство.—Безобразная дѣвушка.—Зеркало.—Мечты и горе.—Старая мамка.—Иванъ-царевичъ и жаръ-птица.—Любовь и красота.—Отчаяніе.

Въ послѣдней половинѣ XII-го столѣтія, въ то время, когда великимъ Московскимъ княжествомъ — правилъ Димитрій Іоанновичъ, уже побѣдитель Мамая, наименованный Донскимъ

жилъ въ Новгородѣ торговый, по имени Карпъ Стригольникъ. Карпъ былъ человѣкъ простой, неграмотный — но имѣлъ природный умъ, который, по увѣренію старыхъ людей, дороже всякой науки, если употребляютъ его на добро, а не на зло — и всѣ сосѣди считали Карпа человѣкомъ разумнымъ и часто требовали его совѣта, а нуще-то всего разумный человѣкъ былъ богатъ, снабжалъ, по мочи — по силѣ въ черный день, пріятелей своихъ денежками и это послѣднее обстоятельство придавало ему еще болѣе вѣса въ глазахъ торговаго народа. — Да и люди и познатнѣе торговцевъ не гордилися передъ Карпомъ Кузмичемъ, кто съ нимъ поклонится, кто скажетъ слова два, три ласковыя, а были и такіе, что не гнушалися хлѣбомъ-солью Сстригольниковою,—подъ часъ, и одолжались,— Правда поговаривали въ тихомолку; что ни онъ, ни семейство его не ходятъ въ церковь Божію, что въ его дому какія то тайныя собранія... дѣлали догадки, выводили заключенія; но все это бывало въ ти-

хомолку и пока еще всѣ по прежнему уважали Карпа Кузьмича.

Карпъ почти безвыѣздно жилъ въ Новгородѣ съ своимъ семействомъ, а именно: съ женою, о которой сказать ничего нельзя болѣе того, что Катерина Савишна походила на нынѣшнюю полновѣсную купчиху, съ двумя сыновьями, которые были въ полномъ смыслѣ торгаши и восемнадцатилѣтнею дочерью —вотъ о ней мы поговоримъ болѣе...

Вечеромъ того дня, въ который начинается нашъ разсказъ, огонекъ свѣтился въ верхнемъ теремѣ дома Стригольника. Это была дѣвичья свѣтлица, гдѣ жила дочь его.

Было уже близко полуночи, но Настасія (такъ звали дѣвушку), сидѣла за небольшимъ столикомъ и, при тускломъ свѣтѣ нагорѣвшей свѣчи, смотрѣлась въ небольшое зеркальцо.

Такое кокетство, въ XII вѣкѣ, скажутъ взыскательнѣйшіе изъ моихъ читателей, да можетъ ли это быть!...

Я отвѣчаю утвердительно; да, это легко можетъ быть потому, что жен-

щины; съ самаго блаженнаго пребыванія праматушки ихъ, красавицы Венеры и до нашихъ временъ почитаютъ первымъ своимъ удовольствіемъ полюбоваться собою, помечтать передъ зеркаломъ: потому, что женщина никогда не бываетъ такъ обворожительна, какъ въ минуту увлеченія, въ минуту страсти или — прекраснаго помысла — а гдѣ она можетъ помечтать, какъ не передъ зеркаломъ? Разумѣется, праматушка Венера не смотрѣлася въ трюмо но развѣ струи свѣтлаго ручья не могли ей замѣнить ртутнаго препарата? ..

Напрасно увѣряютъ, что безобразныя дѣвушки (объ устарѣлыхъ я уже не говорю — это выставка увядшихъ прелестей), что безобразныя дѣвушки враги зеркалъ... Не вѣрю я этому и васъ прошу не вѣрить! Сей часъ безобразная красавица читала вамъ разсужденіе о невыгодахъ красоты, приводя въ доказательство старинную пословицу, что красивая женщина, что морская волна — и спитъ, такъ не вѣрь ей! И вотъ уже проповѣдница

на единѣ, вертится передъ зеркаломъ и находитъ сама въ себѣ какія-то, незамѣтныя для прочихъ глазъ прелести, и грудь ея воздымается высоко и бурно, подобно волнамъ морскимъ отъ помысловъ, отъ желанія понравиться..

Небольшое вступленіе мое клонится прямо къ предупрежденію ожиданій читателя, который вѣроятно думаетъ, что я начну, по обыкновенію романистовъ, описывать красоту Настасіи... увы! дѣвушка передъ зеркаломъ, не смотря на ея восьмнадцатилѣтній возрастъ съ которымъ мы привыкли соединять понятія о всемъ, что тревожитъ и плѣняетъ душа, — была не хороша!... не хороша въ полномъ смыслѣ этого слова... Вѣрьте же послѣ того Французамъ которые говорятъ, что tout ce qui est jeune est joli!... Волосы ея были того с маго цвѣта, который: иногда въ насмѣшку. называютъ а д с к и м ъ, цвѣтъ кожи блѣдный безъ малѣйшаго оттѣнка свѣжести, лице безъ выраженія а глаза зеленые, страшные глаза горѣли не чувствомъ, этимъ проблескомъ души и сердца, а

инстинктомъ кошки, которая видитъ передъ собою кусокъ свѣжаго мяса и прельщается имъ—но не смѣетъ взять его. Но обезобразивши дѣвушку природа, какъ будто изъ сожалѣнія, дала Настасіи стройный станъ.

Въ нашъ утонченный, девятнадцатый вѣкъ, когда вкусъ — покоряется модѣ, можетъ быть Настасія могла бы выиграть многое своимъ станомъ; какой нибудь поэтъ идеализировалъ бы ее въ стихахъ своихъ; какой нибудь Русскій Бальзакъ прославилъ бы ее повѣстью въ родѣ той; которая лѣтъ дѣсять назадъ надѣлала много шума, подъ чуднымъ заглавіемъ: «дѣвушка съ золотыми глазами». (*) къ несчастію Настасія жила въ XII вѣкѣ, когда румяность, полтона и дородность—были необходитыми качествами красавицы...

Дѣвушка долго сидѣла въ одномъ положеніи. Вдругъ она оттолкнула зеркало и вскочила съ своего мѣста.—Глаза ея сверкали, грудь воздымалась отъ

*) Повѣсть Бальзака, изданная въ 1836 году.

сильнаго волненія... Но и въ эту минуту чуднаго одушевленія, когда мы невольно готовы упасть на колѣни предъ женщиною—и въ эту минуту она была все таки не хороша.

Она быстро подошла къ старой мамкѣ своей, которая давно уже покоилась сномъ на своей скромной постели....

— Мамушка! а мамушка! .. Тихоновна! кричала Настасія, толкая легонько спящую старуху...

Тихоновна промычала что-то во снѣ, перевернулась на другой бокъ и снова захрапѣла.

— Мамушка! да проснись же голубушка! полно спать, поговори со мною хоть минуточку! начала снова дѣвушка и снова принялась будить старуху.

Тихоновна проснулась, подняла голову и, думая, что воспитанница проситъ продолжать ее начатую въ тотъ вечеръ сказку, заговорила: «ну вотъ, сударыня ты моя, ѣдетъ Иванъ Царевичъ путемъ дорогою и видитъ столбъ а на столбѣ на томъ написано...

— Не болтай лишняго вздора, а от-

вѣчай на то, что будутъ спрашивать!..
это ли было написано?...

— Вотъ и не отгадала! въ грамоткѣ
въ той сказано, кто поѣдетъ въ правую
сторону...

— Перестань же, матушка, ты наску
чила мнѣ своей сказкой, только и дѣла—
либо спитъ день и ночь, либо въ со
тый разъ начинаетъ разсказывать про
Ивана Царевича. какъ тебѣ не наску
читъ, чай жаръ-то птица набила тебѣ
оскомину...

Старуха спозѣвнула, протерла глаза
и сѣвши на постелѣ, окинула, полусон
нымъ взоромъ, съ ногъ до головы свою
воспитанницу...

— Эхъ Настасья Карповна, судары
ня ты моя! тѣ лѣта пришли: и рада бы
не спать да спится .. Пролетѣла весе
лость дѣвичья, улетѣла и молодость
словно пить дала, о, охъ, хо...

Тихо она вздохнула, а дѣвушка была
рада началу разговора и старалась под
держать его...

Такъ ты тоже была молода, ма
тушка?...

— Ахъ! ты мой празднословъ хорошій, поди-ко какую насмѣшечку вверну-ла — была ли вишь я молода?... О, охъ! Настасьюшка, Настасьюшка! всему свое время: теперь на Тихоновну никто и взглянуть не хочетъ, а была пора, что за Тихоновной молодцы толпами ухаживали, да Тихоновна бывало и не взгля нетъ...

— Стало быть, ты во всю жизнь свою никого не любила?...

— Ужъ и никого!... что ты родная моя, какъ не любить... вѣстимо любила и почитала родителей — такъ законъ Божій велитъ — они выростили и воспитали меня, уважала и любила приходскаго священника, потому, что онъ былъ отецъ мой духовный; ну а ужъ объ мужѣ-то покойномъ и говорить нечего, тридцать лѣтъ прожили съ нимъ въ союзѣ, да въ любви — и слова грубаго другъ другу не молвили...

Лицо дѣвушки запылало...

— И такъ вы очень любили другъ

— Да такъ-то любили, что и сказать нельзя..

— Ахъ, какъ ты была счастлива мамушка, но вѣдь ты была хороша собою, ты слыла красавицей..

Старуха самодовольно улыбнулась и, съ важностію покачавши сѣдою головою, отвѣчала.

— Что правда, то правда, въ свое время была козырь—дѣвка... Ну да вѣдь то-то и есть — всему пора, всему очередь, весной поетъ пташечка, а придетъ зима и замолкнетъ...

Старуха спустилась въ разсужденія и вѣрно бы проговорила цѣлый часъ, если бы рыданіе Настасіи не помѣшали ея словоохотности.

— Что ты; что ты, Господь съ тобой, вскричала старуха, и вставши съ своего мѣста подошла къ воспитанницѣ, уймись же, Настасья Карповна, откуда вдругъ взялось горе?...

Мамушка, добрая мамушка! продолжала Настасія, рыдая, научи меня, вразуми, что я должна дѣлать; гдѣ я най-

ду такое лекарство, такое снадобье, отъ котораго бы могла разлюбить его ..

— Что, что голубка моя, а ужъ развѣ ты изволила полюбить кого нибудь?..

Настасья скрыла пылающее лицо свое на груди старой мамки. Видала ли ты, мамушка, молодаго, красиваго боярина, который часто приходитъ къ батюшкѣ на совѣщаніе...

— Ну какъ не видать, въ зеленомъ полукафтаньѣ, русые волосы, голубые глаза — нечего сказать красавикъ!... Чтожъ - дальше то? ужъ не его ли ты полюбила!...

Несчастная дѣвушка стыдливо опустила глаза и роковое сознаніе вырвалось..

— Вотъ что! сказала Тихоновна покачивая головою, ну а спросилась ли ты у батюшки! вѣдь Господь его вѣдаетъ, може ему придетъ не по сердцу...

Дѣвушка горько улыбнулась: Да развѣ можно любить по приказу? спросила она.

— Вѣстимо можно, не знаю какъ по вашему, — въ старину бывало такъ: скажутъ — люби вотъ этого молодца, онъ

твой женихъ и дѣвушка полюбитъ; запретятъ на другаго и взглянуть — случается!... Правда — нынче не то, что въ старину, народъ умнѣетъ съ часу на часъ... Да, мнѣ помнится — ты просила снадобья, чтобы разлюбить молодца... на что же тебѣ это снадобье, — развѣ онъ не любитъ тебя?

— Я этого не знаю до сихъ поръ, я страшилась повѣрить самой себѣ, но люблю его, я не пропускала ни одного случая, чтобы не полюбоваться имъ, когда онъ приходитъ къ батюшкѣ. я любовалась имъ — но любовалась въ тайнѣ — и онъ не видалъ меня... Мамушка! взгляни на меня — и потомъ суди, могу ли я быть мила для его сердца!...

Настасья снова упала на грудь Тихоновны и зарыдала... Старуха тоже заплакала и, обнявши воспитанницу, сказала: «успокойся родная моя, положись на меня, погоди денекъ-другой, авось я улажу дѣло...

Они обнялись и... все замолкло и въ свѣтлицѣ потухъ огонекъ... Кто спалъ покойно, кто страдалъ безсонницей — неизвѣстно!...

ГЛАВА II.

Новогородскіе граждане.

Димитрій Іоанновичъ Донской.—Внутреннія крамолы.—Монголы, Литва и Меченосцы.—Ночь.—Поздніе гости.—Звонокъ.—Жатва.—Діаконъ Никита.—Вооруженіе.—Новогородская вольница.—Александръ Абакумовичъ.—Торжокъ.—Мщеніе.—Грамата Великокняжеская.—Вѣчь.

Уже съ давняго времени Великій Князь Димитрій Іоанновичъ Донской, снося крамолы и гордость Новогородскую, имѣлъ въ сердцѣ гнѣвъ на мятежныхъ рабовъ своихъ: уже давно онъ хотѣлъ наказать ихъ дерзость и крамолы, но нападенія Монголовъ и Ольгерда, Князя Литовскаго, вражда Олега, Князя Рязанскаго, война съ Нѣмецкимъ Орденомъ и притязанія на Великокняжескій престолъ Тверскаго Князя Михаила—удерживали державную десницу его отъ справедливаго мщенія. Нако-

нецъ мѣра терпѣнія Великаго Князя кончилась и — крамольниковъ ожидала достойная кара...

— Былъ вечеръ.—Въ Новгородѣ уже вездѣ погасли огни, наступила всеобщая тишина и только лаемъ цѣпной собаки прерывалось торжественное безмолвіе ночи... Въ это время къ дому Карпа Стригольника подошелъ незнакомецъ высокаго роста, завернутый въ черный широкій охобень; въ слѣдъ за нимъ показался другой, потомъ третій... Всѣ они повидимому были знакомы между собою и, обмѣнявшись вполголоса двумя, тремя словами, поняли причину своего поздняго посѣщенія... Одинъ изъ нихъ схватилъ ручку колокольчика, сильно рванулъ ее и вдали раздался звонокъ... Чрезъ нѣсколько времени калитка отворилась и поздніе гости скрылись на дворѣ.

Въ большой тесовой свѣтлицѣ, вокругъ длиннаго дубоваго стола сидѣло нѣсколько человѣкъ, одѣтыхъ въ боярской одеждѣ, въ кафтанахъ шитыхъ (именитыхъ) людей и въ простыхъ

полукафтаньяхъ-посадскаго народа; въ числѣ гостей былъ и самъ посадникъ великаго Новогорода... Тутъ же за столомъ сидѣлъ хозяинъ дома Карпъ Стригольникъ... онъ что-то съ жаромъ говорилъ честному собранію и всѣ внимательно его слушали...

Карпъ Стригольникъ. Господинъ Посадникъ! Бояре и именитые граждане Новгородскіе! я за долгъ почитаю благодарить, униженно благодарить за ту честь, какою благоугодно было осчастливить вамъ вѣрнаго раба и слугу Новогородскаго своимъ довѣріемъ и ласкою... Вѣрные слуги великаго Новогорода! настаетъ часъ.., посѣянныя сѣмена должны принести давно ожидаемый плодъ, нива готова, на жатву, дѣлатели! Діаконъ Никита! сподвижникъ нашъ и вѣрный слуга великаго Новогорода объяснили честному собранію, какія вѣсти собралъ ты отъ своихъ лазутчиковъ, что слышно изъ Москвы ...

Въ это время мущина высокаго роста, въ полукафтаньѣ особеннаго покроя, съ черными волнистыми волосами

и съ выраженіемъ лица довольно звѣрскимъ, всталъ съ своего мѣста....

Діаконъ Никита *) (кланяется на всѣ стороны, расправляетъ бороду и начинаетъ, откашлявшись) Бояре и граждане Новгородскіе. Извѣстно и вѣдомо вамъ, что Димитрій, князь, Московскій болѣе двадцати лѣтъ негодуетъ на великій Новгородъ; онъ давно бы отмстилъ за молодечество Новогородской вольницы, воевавшей нѣкогда земли его подъ предводительствомъ молодаго, но храбраго вождя Александра Абакумовича, и только в

*) Лице историческое, Діаконъ Никита былъ клеврет и сотоварищъ Стригольника, участвовавшій вмѣстѣ съ симъ въ основаніи ереси, извѣстной подъ именемъ *ереси Стригольниковъ*. Эта ничтожная и глупая секта имѣла много послѣдователей, которые перестали ходить въ церковь и наконецъ Новгородцы, постигнувши всю жалость своего заблужденія и озлобленные нескромными рѣчами Стригольника съ его клевретами Діакономъ Никитою и другимъ Неизвѣстнымъ — утопили ихъ въ Волховѣ. Вотъ главное основаніе нашего романа, заимствованное изъ исторической истины, которую мы поддерживали по возможности отъ начала до конца, но вѣдь романъ—не исторія! См. Ист. Госуд. Росс. Томъ. V-й царств. Димитрія Донскаго).

Примѣч. Автора.

внутренніе раздоры съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ, съ Рязанскимъ княземъ Олегомъ, война съ Монголами, съ Литвою и Меченосцами — удерживали его отъ мщенія.... Нынѣ на Софійскомъ вѣчѣ нашемъ — уже рѣшено и утверждено присягою, чтобы ни въ какихъ тяжбахъ, подсудныхъ церкви, не относиться къ Митрополиту Московскому, но рѣшать оныя самому Архіепископу Новогородскому великому пастырю нашему по Номоканну Греческому сирѣчь Кормчей книгѣ вмѣстѣ съ господиномъ посадникомъ, тысяческимъ и четырьмя избранными отъ всѣхъ сословій, судьями.... Благое дѣло предприняли мы, вольные Новогородцы . . и къ чему намъ власть и покровительство Князя Московскаго?... развѣ въ великомъ Новгородѣ — мало доблестныхъ мужей совѣта?... развѣ воины наши не храбры и не сильны? развѣ истощилась казна Новогородская?.. У князя Димитрія — есть вотчины прародительскія — за что же онъ собиралъ до селѣ, въ видѣ доходовъ, — подать постыдную?... Благое дѣло предприняли

вольные Новогородцы.... повторяю я.... Но благое дѣло должно имѣть и благое окончаніе... Бояре и граждане Новогородскіе! Князь Димитрій Іоанновичъ свѣдалъ уже о нашихъ дѣйствіяхъ и рать его уже готовится въ походъ: двадцать шесть областей приняли сторону Князя Московскаго и Новогороду угрожаетъ война и гнѣвъ гордаго побѣдителя Монголовъ... но не столь горестно слышать о семъ грозномъ вооруженіи! Горестнѣй всего то, что и подданные великаго Новогорода, и крамольные жители Вологоды, Бѣжецка и Торжка спѣшатъ подъ знамена Московскія. Только нѣсколько Бояръ Торжсковскихъ остались вѣрны своей присягѣ и спѣшатъ присоединиться къ намъ... Вотъ одинъ изъ нихъ!..

Сказавши это, діаконъ Никита указалъ на молодаго красиваго боярина, который также всталъ съ своего мѣста и поклонился...

Посадникъ, (обращаясь къ молодому боярину). Привѣтъ тебѣ, бояринъ Александръ, привѣтъ и низкое спасибо

отъ всего великаго Новогорода за вѣрность и честность твою... Повѣдай намъ, что предпринимаютъ мятежные жители Торжковскіе, крамольные рабы наши...

Молодой бояринъ, (въ зеленомъ полукафтаньи.) Завтра, съ разсвѣтомъ утра, вы увидите, бояре, въ стѣнахъ великаго Новогорода—друзей моихъ — вѣрныхъ бояръ Торжковскихъ... Они подтвердятъ вамъ справедливость словъ моихъ; теперь прошу выслушать рѣчь мою собственную, но рѣчь, справедливую: Повсюду скачутъ гонцы Великокняжескіе съ призывными граматами и, по первому призыву его, вооружаются ратники, готовятся припасы съѣстные и воинскіе, и не пройдетъ двухъ недѣль, какъ Князь Димитрій Іоанновичъ явится подъ стѣнами Новогорода... Бояре и граждане! прозорливость и осторожность—вотъ два необходимыя условія, которыми въ настоящее время мы можемъ отвратить предстоящую опасность... Долгъ мой — донести вамъ о дѣйствіяхъ крамольниковъ Торжковцевъ; долгъ вашъ - распо-

DAMAGED PAGE(S)

ряжаться согласно съ совѣстью и правами родины?..

Между собесѣдниками начался шумъ. Всѣ, не исключая Посадника, совѣщались; — и въ шумѣ смѣшанныхъ голосовъ замѣтно было особенное замѣшательство...

Посадникъ, (встаетъ съ своего мѣста, кланяется на всѣ стороны и съ важностію начинаетъ). Бояре и граждане!.. Благодарность почтенному гражданину нашему Стригольнику и друзьямъ его—за вѣрность къ Великану Новгороду; низкій поклонъ боярину Александру—за неизмѣнность клятвы и за предостереженіе... но дѣло такъ важно, что мы не можемъ рѣшить здѣсь какія мѣры должно принять намъ противъ Великаго Князя Московскаго. И такъ я почитаю необходимымъ завтра собрать Вѣче..

Нѣсколько голосовъ вдругъ. Вѣче, непремѣнно вѣче!..

Стригольникъ. А между тѣмъ боярин прочтетъ намъ списокъ съ

Нѣсколько голосовъ. Послушаемъ, послушаемъ!..

Молодой бояринъ. (встаетъ, вынимаетъ хартію и читаетъ) «Вѣрные слуги мои — православный народъ Русскій!.. нужно-ли исчислить всѣ крамолы и измѣны Новогородцевъ — рабовъ моихъ еще памятны для многихъ разбои Новогородской вольницы, но я тогда умилостивился надъ ними... И что же?.. умѣли ли Новогородцы оцѣнить наше снисхожденіе?.. Крамолы слѣдуютъ за крамолами, измѣна смѣняетъ измѣну... Въ то время, какъ я съ вѣрными дѣтьми отечества очищаю родныя поля отъ враговъ иноплеменныхъ — Новогородцы, скучая мирною торговлею и тишиною полюбили разбои и, величая поступки свои молодечествомъ, грабятъ Русь православную и развалины Костромы и Ярославля, стоны женъ и дѣтей,— еще ясно гласятъ о разбойничьей дерзости мятежныхъ рабовъ — измѣнниковъ... Новогородцы имѣютъ сношенія съ Государями иноземными — безъ моего вѣдома; Новогородцы отдали Ладогу, Русу

и берегъ Наровскій безъ моего соизволенія Князю Литовскому Патрикію; они захватили мои собственные доходы и отложились отъ суда владыки Московскаго и богомольца нашего...»

«Мы видимъ явное намѣреніе Новогородцевъ быть независимыми отъ нашего Великаго Княженія, но попустимъ ли рабовъ нашихъ крамольничать еще болѣе... Къ оружію, вѣрные слуги мои! Идемъ наказать мятежниковъ!»

Въ собраніи снова началось совѣщаніе и наконецъ рѣшили одно — собрать на другой день Вѣче...

Черезъ полчаса посадникъ и многіе изъ сановниковъ Новгородскихъ удалились. Остался Діаконъ Никита и молодой бояринъ въ зеленомъ полукафтаньѣ... Пирушка смѣнила важное совѣщаніе..

ГЛАВА III.

Тайное совѣщаніе.

Пиръ. — Узникъ. — Новый Сообщникъ. — Кубокъ.—Рѣчи. — Упрекъ. — Архипъ Калина.—Расколъ.— Возмущеніе. — Умыслы и цѣль раскола.— Правда и честь. — Хитрость. — Деньги. — Мѣшокъ съ рублями.— Дочь и зять-— Дѣвушка. — Вѣчевой колоколъ.

Уже было далеко за полночь, а Карпъ Стригольникъ съ своими гостями еще пировалъ...

Прежде нежели подслушаемъ разговоръ ихъ, мы должны замѣтить, что стригольникъ тотчасъ по уходѣ посадника и прочихъ именитыхъ гостей своихъ подошелъ къ двери, которая вела въ противуположную сторону той, изъ коей

удалились они, и, постучавши легонько, съ улыбкой сказалъ:

— Теперь можешь выдти нашъ, узникъ и раздѣлить пустынническую трапезу!..

Дверь отворилась и въ свѣтлицу вошелъ небольшой, щедушный человѣкъ, отвратительной наружности... желтое впалое лицо его выражало всю низость души, кривой глазъ неподвижно стоявшій — отзывался какою то безчувственностію; напротивъ того другой блисталъ изъ подъ нависнувшей брови — подобно блудящему огоньку могильному... лысая голова, ростъ карлика и хитрая ужимка довершали портретъ вошедшаго и противорѣчили одеждѣ его, которая, будучи богата, вмѣстѣ съ тѣмъ была какою-то смѣсью боярскаго одѣянія съ одеждою простолюдина.

— Слышалъ ли ты, дорогой затворникъ мой, сказалъ Стригольникъ, обращаясь къ маленькому человѣку, слышалъ ли ты, какое дѣйствіе произвела на нашихъ Новгородскихъ храбрецовъ вѣсть объ ополченіи Князя и что скажешь намъ?...

— Что говорить тутъ, запищалъ воедшій, садясь на широкую дубовую лавку и взявши въ руку большой серебряный бокалъ съ крѣпкимъ медомъ, что говорить тутъ?... вижу, что Посадникъ и всѣ именитые граждане Новгородскіе—сущіе трусы, что Карпъ Стригольникъ, притворяясь приверженцомъ и вѣрнымъ слугою Великаго Новгорода—водитъ всѣхъ за носъ и, что наконецъ тамъ онъ проводитъ время въ пустыхъ бесѣдахъ и нисколько не думаетъ объ исполненіи своего обѣщанія.. Я привезъ вѣсть, я предостерегъ Новгородцевъ—а вы загребаете жаръ чужими руками и столько же дѣлаете пользы мнѣ, сколько и себѣ... (говоря это маленькій человѣкъ высушилъ бокалъ)... дурно, Карпъ Кузьмичъ! всему свое время: можно и пображничать и погулять, а начатаго портить не должно!...

«Архипъ Калина! отвѣчалъ Стригольникъ, насупивши брови, ты сѣлъ не въ свои сани—и требуешь невозможнаго, я лучше тебя знаю духъ Новгородцевъ... они довѣрчивы, малодушны, какъ дѣти,

но вмѣстѣ съ тѣмъ мстительны и страшны, какъ звѣри!... знаю за что ты негодуешь на меня. ты слышалъ, что мы соглашаемся съ Вѣчемъ, отвергающимъ только власть московскаго митрополита и признающимъ надъ собою судъ архіепископа Новгородскаго, ты не доволенъ на меня и на Никиту, (онъ указалъ на діакона; за то, что мы прямо и открыто не проповѣдуемъ своего ученія не правда ли? ты этого желалъ, ты требовалъ, чтобы, на сегодняшней бесѣдѣ,—я прямо высказалъ свой образъ мыслей, ты надѣялся, что предстоящая опасность заставитъ Новгородцевъ измѣнить вѣрѣ отцовъ своихъ. помѣшаетъ проникнуть въ наши тайные замыслы и провѣдать, что мы хотимъ ловить рыбу въ мутной водѣ?. Архипъ! Архипъ! ты ошибаешься, если такъ думаешь; я лучше тебя знаю Новгородъ, доволенъ пока тѣмъ, что намъ удалось уклонить ихъ отъ власти московскаго митрополита — остальное должно предоставить времени... До времени! не наморщивай такъ лобъ, не сердись! мы

не боимся тебя и выскажемъ правду!... Калина улыбнулся: «Правда! сказалъ онъ, осушая другой бокалъ правда въ устахъ Стригольника — дѣло неслыханное!..

Карпъ нисколько не смутился и отвѣчалъ: «пожалуй я съ тобой согласенъ, что правда далеко отъ меня также, какъ отъ тебя совѣсть... Говори, что хочешь, но выслушай и меня; толпа приверженцевъ, которыхъ мы пріобрѣли своею мнимою любовію къ православію—есть только слѣпое орудіе нашихъ преступныхъ замысловъ... здѣсь мы свои и личина и обманъ – не у мѣста!... Всѣ мы честолюбцы, которые ждемъ славы и денегъ—не правда ли?... мнѣ нравится званіе владѣтеля новгородскаго, тебѣ по душѣ пришли владѣнія Князя Патрикія, ему (Стригольникъ указалъ на молодаго боярина), ему нравятся деньги, богатство, которыя онъ прожилъ раненько, а вотъ его милости, (Карпъ указалъ на діакона), нравится званіе архипастырское, котораго онъ никогда бы не получилъ; тотъ ищетъ прозванія Тысяцкаго, другой од-

ного золотаго мѣшка — и вотъ мы придумали ересь, какъ вѣрное средство къ достиженію своей цѣли... Сначала разувѣримъ Новгородцевъ въ обязанностяхъ повиновенія духовной власти; потомъ примемся за Посадника и за прочія гражданскія власти... Но время, время для этого необходимо!.. Терпѣніе все преодолѣваетъ, а стерпится такъ и слюбится.. Еще успѣю я быть Посадникомъ, а ты владѣть богатыми новгородскими помѣстьями... бояринъ успѣетъ промотать новое богатство — и всѣ успѣютъ вознаградить себя почестью и славою за труды... До тѣхъ поръ осторожность — должна быть первымъ условіемъ нашихъ дѣйствій, не допустимъ Новгородцевъ заключить міра съ Княземъ Московскимъ и почему знать, можетъ быть, въ заревѣ пожара, который принесетъ съ собою рать Великокняжеская, проблеснетъ звѣзда нашего успѣха!..

— Хитеръ ты, Карпъ Кузьмичъ! отвѣчалъ Калина, радушно пожимая руку Стригольника, хитро говоришь ты — и такъ быть, я согласенъ ждать терпѣли-

во!.. Будемъ надѣяться на время. посмотримъ, что завтра скажутъ на Вѣчѣ, а теперь не будемъ отравлять полныхъ бокаловъ сладкаго меда, каплями горькаго сомнѣнія. Чему быть—тому неминовать. Давай пить!..»

— Вотъ этакъ-то лучше! пей пока въ ожиданіи богатыхъ помѣстьевъ – благо есть случай, отвѣчалъ Стригольникъ, а между тѣмъ мы поговоримъ съ бояриномъ...»

Стригольникъ взялъ со стола кубокъ, другой подалъ молодому человѣку въ зеленомъ полукафтаньи и продолжалъ: «я не забылъ, бояринъ Александръ — твоей вчерашней просьбы. стоитъ только лишь сходить въ подвалъ и мѣшокъ съ полновѣсными рублями — твой! . Но прежде нежели ты познакомишься съ моими мѣшками, я долженъ сказать тебѣ, что богатства мои, что казна моя готова для тебя, какъ для нарѣченнаго зятя,... уговоръ дружбы не портить, говоритъ пословица и... ты не получишь ни шелеха, пока не выпьешь полнаго бокала заморскаго вина, изъ рукъ своей

невѣсты, а моей дочери... Согласенъ ли?... бояринъ Александръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на хитраго хозяина... «Предложеніе твое такъ неожиданно, отвѣчалъ, онъ, что я незнаю какъ отвѣчать тебѣ... породниться съ тобою — я не прочь, но мы никогда не видали твоей дочери, ты хранишь ее, какъ кладъ, въ заперти...

Онъ не успѣлъ окончить рѣчи, какъ дверь отворилась и настасія въ сопровожденіи Тихоновны вошла въ свѣтлицу... она держала въ рукахъ небольшой подносъ, на которомъ стоялъ золотой бокалъ... Дѣвушка была одѣта богато, но богатая одежда и драгоцѣнныя ожерелья дѣлали ее еще безобразнѣе...

Бояринъ вздрогнулъ, какое-то чувство отвращенія овладѣло его сердцемъ; но Стригольникъ пристально глядѣлъ на гостя и ожидалъ окончанія сцены. Положеніе дѣвушки тоже было незавидное и молодой человѣкъ поспѣшилъ прекратить тягостное недоумѣніе... онъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ Настасіи, принялъ кубокъ и желая ска-

зать нарѣченной невѣстѣ своей должное привѣтствіе, взглянулъ на нее пристально. Настасія также подняла потупленные глаза, взоры ея встрѣтились съ взоромъ того, кто съ нѣкотораго времени сталъ неизмѣннымъ, хотя и тайнымъ другомъ ея сердца... и Настасія прочла въ этомъ взорѣ — весь позоръ безобразія своего... невольный крикъ вырвался изъ груди несчастной и она готова была лишиться чувствъ... Въ это время на Софійскомъ вѣчѣ заблаговѣстилъ колоколъ...

ГЛАВА IV.

Мщеніе.

Рѣшеніе Новгородскаго Вѣча.—Дмитрій Іоанновичъ и рать его. — Станъ Великокняжескій. — Князья и Бояре. — Архіепископъ Новгородскій Алексій.—Благословеніе. — Мольбы и просьбы.— Отказъ.—Рѣшеніе.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ хитрость Стригольника—и его клевретовъ, мы видѣли также, что цѣль ихъ тайныхъ совѣщаній и предполагаемыхъ дѣйствій была цѣль самолюбцевъ, которые подъ видомъ ничтожной, религіозной реформы, стремились къ пріобрѣтенію почестей и богатства.

Увидимъ въ послѣдствіи, удался ли имъ преступный замыселъ и замѣтимъ теперь только, что Новгородцы не оправдали надеждъ ихъ: на другой день, послѣ совѣщанія въ домѣ Стригольника

по звуку колокола собралось Новгородское Вѣче и всѣ рѣшили, въ случаѣ прибытія Великаго Князя Дмитрія Іоанновича съ ратью, просить міра и помилованія. Между тѣмъ на случай отказа готовились войска и Новгородъ съ утра до вечера волновался..

Зимою, 1386 года, передъ самымъ Рождествомъ Христовымъ Димитрій, съ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ выступилъ изъ Москвы. Имъ сопутствовали другіе князья съ своими дружинами —Москва, Коломна, Звенигородъ, Можайскъ, Волоколамскъ, Ржевъ, Серпуховъ, Боровскъ, Дмитровъ Переславль, Владиміръ, Юрьевъ, Муромъ, Мещера, Стародубъ, Суздаль, Городецъ, Нижній, Кострома, Угличъ, Ростовъ, Ярославль, Молога, Галичъ, Бѣлозерскъ, Устюгъ, даже Вологда, Бѣжецкъ и Торжокъ взяли сторону Димитрія и воины всѣхъ сихъ городовъ стали подъ знамена Москвы.

Въ день Богоявленія рать Великокняжеская расположилась станомъ въ

тридцати верстахъ отъ береговъ Волхова...

Былъ уже вечеръ. Блѣдное зимнее солнце закатилось, но мракъ бѣжалъ отъ стана Великокняжескаго и даль озарялась заревами пожаровъ, обратившихъ въ пепелъ множество окрестныхъ селеній... Въ пространной избѣ охраняемой толпою моековскихъ воиновъ, сидѣлъ Князь Димитрій Іоанновичъ съ братомъ своимъ окруженный сонмомъ союзныхъ Князей и бояръ, какъ дверь отворилась и Архіепископъ Новгородскій Алексій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Іереевъ, бояръ и выборныхъ людей—явился передъ героемъ донскимъ, это былъ старецъ убѣленный сѣдинами, благообразный собою, вида кроткаго и благочестиваго.

Димитрій всталъ съ своего мѣста и, подошедши къ почтенному Архипастырю, сказалъ: «благослови меня, святой отецъ и повѣдай вину своего посѣщенія!

Архіепископъ (благословляетъ князя, потомъ кланяется ему до земли). Благословеніе Господне да пребудетъ

надъ тобою, Князь Димитрій Іоанновичъ, а я смиренный рабъ и всѣ люди великаго Новгорода бьемъ челомъ тебѣ Князю и Владыкѣ нашему... (онъ снова кланяется; примѣру Архіепископа слѣдуютъ сопровождающіе его Новгородцы) будь милостивъ, Князь Димитрій Іоанновичъ, къ Великому Новгороду — твоей прародительской отчинѣ, какъ были милостивы твой родитель и дѣдъ, будь милостивъ — каковымъ ты самъ былъ до сей поры къ намъ — рабамъ своимъ. Долгъ мой - говорить правду даже и тогда, когда рѣчь идетъ о моей собственной паствѣ, о моемъ родимомъ отечествѣ... Не смѣю оправдывать Новгородцевъ своихъ, виновны они передъ тобою, виновны, Государь; но какъ Господь прощаетъ грѣшниковъ — будь милостивъ и прости!..

Великій Князь, Алексій! Служитель Господа Вышняго!... я вѣрю тебѣ, я вѣрю, что лицемѣріе и ложь чужды устъ твоихъ!... но участь крамольнаго Новгорода — уже рѣшена... я знаю, что ты явился ко мнѣ съ предложеніемъ

отъ Софійскаго Вѣча... которое предлагаетъ мнѣ денежный выкупъ за поступки свои... но, служитель Божій, развѣ пепелища ограбленныхъ ими городовъ, стоны вдовъ и сиротъ, погубленныхъ ими – покупаются серебромъ, развѣ деньгами вознаградятъ меня за гибель и несчастія людей моихъ?... Я прощалъ Новгородцамъ крамолы ихъ, но мѣра терпѣнія моего кончена... Иди и возвѣсти крамольникамъ — рабамъ моимъ; не положу оружія, не удалюсь отъ Новгорода до тѣхъ поръ, пока пожарное зарево не озаритъ гибели враговъ отечества, пока я не увижу мятежниковъ колѣнопреклоненно умоляющихъ о пощадѣ, пока снова они не обратятся къ возмущенному ими православію и не умолятъ Митрополита Московскаго о возвращеніи Архипастырскаго благословенія. Ты слышалъ все иди и возвѣсти слова мои: нѣтъ пощады крамольникамъ, нѣтъ милости Новогородцамъ!.

ГЛАВА V.

Черный боръ.

Полночь. — Путница. — Робость. — Женщина. — Чистое поле. — Раздумье — Голосъ сердца. — Мысль и отчаяние — Сумасшедшая. — Огонекъ. — Решительность. Пещера.

Ночь была темная, мрачная ночь. Сѣрыя, громадныя облака, клубясь плавали въ атмосферѣ. Крупныя хлопья снѣга падали на землю и блѣдная л[illegible] на время отъ времени выплывала на мгновеніе изъ тумановъ [illegible] логовища и снова пряталась пока е[illegible] слабый свѣтъ холоднаго луча ея не успѣвалъ коснуться. По временамъ налеталъ порывистый вѣтеръ, да [illegible] жалобный вой собаки раздавался среди дремавшихъ улицъ обширнаго Новгорода.

Въ домѣ Стригольника угасли огни, какъ вдругъ калитка заскрипѣла на ржавыхъ петляхъ, кто-то робко, вышедши на улицу, оглянулся на всѣ стороны и легкими, быстрыми шагами началъ пробираться вдоль плетня... Первый встрѣчный прохожій догадался бы, что это женщина, но уже было поздно и робкой путницѣ не встрѣтилось ни одного человѣка...

Путница шла все скорѣе, все дальше, продолжала по прежнему оглядываться на всѣ стороны, а между тѣмъ дома рѣдѣли, плетень кончился и чистое поле, покрытое снѣгомъ, какъ погребальнымъ саваномъ, открылося ея взорамъ; вдали синѣлъ сосновый лѣсъ - прозванный Чернымъ боромъ. Къ этому-то лѣсу путница направила шаги свои. Если читатели не догадались, то я удовлетворю ихъ любопытство и скажу, что это была Настасія...

Куда же такъ спѣшила дѣвушка, что влекло ее въ полуночный часъ къ такому страшному мѣсту, гдѣ и среди дня не встрѣчали взоры — одинокаго путни-

ка; гдѣ въ полуночный часъ сверкали колько глаза сѣраго волка и слышался трескъ валежника, подъ ногами испуганнаго зайца.

Послѣдуемъ за Настасіей и посмотримъ, куда влечетъ ее жалкій жребій....

Дико, угрюмо шумѣлъ черный боръ, къ которому приблизилась дѣвушка, и на нее повѣяло какимъ то холодомъ и холодный иней оросилъ влажностію пылающее лицо страдалицы... Да, я не ошибся, назвавши ее страдалицей, если бы темнота ночи не воспрещала видѣть лица ея, покрытаго пятнами, выражавшими внутренній жаръ и волненіе, замѣтить ея лихорадочнаго тренета — то всякій съ сожалѣніемъ назвалъ бы несчастную дѣвушку сумасшедшею, которую ведетъ горькое отчаяніе или безчувственный безсознательный позывъ въ это ужасное мѣсто...

Вошедши въ лѣсъ, по узкой, извилистой тропинкѣ, она невольно остановилась... ощущеніе, сопровождаемое судорожнымъ содраганіемъ, овладѣло всѣмъ

существомъ Настасіи... страхъ или раскаяніе волновали ея душу неизвѣстно..

Дѣвушка пустилась впередъ. Вѣтеръ стихъ, снѣгъ пересталъ идти и слабый огонекъ заблисталъ между деревьями. Внутренній голосъ шепталъ ей: бѣги! бѣги! пока еще есть время! — и она хотѣла воротиться, но въ то-же время какое-то особенное, тяжкое чувство колыхало грудь ея и она бѣжала впередъ.

Еще нѣсколько минутъ бѣжала Настасія — и вотъ передъ нею мелькнулъ огонекъ свѣтлѣе, и она очутилась подлѣ какой-то землянки...

Предупредимъ дѣвушку поспѣшимъ на огонекъ и посмотримъ, что тамъ происходитъ?... Настасія уже на порогѣ роковаго убѣжища...

ПРИМѢЧАНІЕ.

Къ первой части.

Долгомъ почитаемъ объяснить читателямъ нашимъ, что Настасія — есть лицо вымышленное въ романѣ, но происшествіе, въ которомъ мы заставили ее быть главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, основано на народномъ преданіи, которое, по сіе время, передается изустно въ одной изъ приволжскихъ губерній. Вѣроятно, это преданіе, и заслужитъ ли оно одобренія читателей — судить не смѣемъ и не имѣемъ права. Канва романа весьма обширная и при желаніи автора могла бы растянуть романъ на четыре огромныя части — но я не почелъ нужнымъ уполновѣсить сочиненіе. Если въ романѣ встрѣтятся двѣ, три порядочныя сцены — и я доволенъ!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

РАСКОЛЬНИКИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

Сочиненіе В. Потапова.

Часть вторая.

„Такали, такали Новгородцы,
да и прогакали“!...
Старинная пословица.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.
1891.

Дозволено цензурою. Москва 15 Октября, 1890 г.

Типографія П. Е. Астафьева. Арбатъ, д. Платонова.

РАСКОЛЬНИКИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

РАСКОЛЬНИКИ.

„Изъ милости просить смѣшно и безполезно,
„Чортъ ничего намъ даромъ не даетъ;
„Не долго до бѣды съ такимъ слугою.. ..
„Намъ не мѣшало бы условиться съ тобою.

(*Изъ Фауста*).

ГЛАВА I.

Чародѣй.

Пещера.—Мальчикъ.—Любовь за деньги.—Самолюбіе.—Богатство и почести.—Чары.—Видѣніе.—Буря.—Красавица.—Заѣтное кольцо.—Печать отверженія.

Пещера, къ которой приблизилась Настасія была довольно обширна во внутренности.... Мрачные своды и черныя, земляныя стѣны увѣшаны были множествомъ пучковъ сухихъ растеній, на полу помѣщалось нѣсколько оловянныхъ сосудовъ странной формы, два три черепа, на срединѣ вмѣсто стола, огромный дикій четвероугольный камень воз-

вышался въ видѣ стола. Съ правой стороны входа въ небольшомъ углубленіи, выдолбленномъ въ камнѣ, который служилъ основаніемъ свода, горѣлъ огонь, синеватое пламя котораго освѣщало таинственнымъ свѣтомъ внутренность пещеры. Передъ огнемъ сидѣлъ мальчикъ, повидимому лѣтъ десяти... онъ, поочередно, то игралъ съ огромнымъ, чернымъ котомъ, грѣвшимся у самороднаго очага, то тѣшился и натягивалъ деревянный лукъ, напѣвая въ полголоса:

„О мой славный лукъ.
„Калена стрѣла,
„Калена стрѣла—
„Стрѣла мѣткая!...
„Я съ тобой, мой лукъ,
„Не разстануся....

Въ другомъ углу пещеры, которая оставалась въ полумракѣ, стоялъ сгорбленный старикъ и перевязывалъ въ пучки какую-то траву, время отъ времени произнося шопотомъ какія-то таинственныя слова... Лицо его было страшно и отвратительно, старость избороздила оное

глубокими морщинами, а на пожелтѣлыхъ щекахъ вспыхивалъ изрѣдка багровый румянецъ; на посинѣлыхъ устахъ появлялась мгновенная улыбка, которая могла бы заставить испугаться самаго безстрашнаго зрителя. Вообще во всѣхъ чертахъ таинственнаго старика замѣтно было какое-то нетерпѣніе, онъ внимательно прислушивался и, не слыша ничего кромѣ шума деревьевъ, хмурилъ брови, а сѣрые маленькіе глаза его горѣли какъ два раскаленные угля. Но... чу! послышались робкіе шаги и Настасія показалась въ мрачномъ входѣ пещеры и остановилась въ недоумѣніи и страхѣ... на блѣдномъ челѣ ея блистали капли холоднаго пота...

Старикъ быстрыми шагами подошелъ къ Настасіи...

«Я знаю, красавица моя, сказалъ онъ хриплымъ голосомъ, знаю—зачѣмъ ты пришла ко мнѣ въ полуночный часъ...

Дѣвушка съ удивленіемъ посмотрѣла на чародѣя...

«Да, я знаю, продолжалъ сей послѣдній, не трудись объяснять мнѣ: судьба

надѣлила тебя умомъ-разумомъ, дала тебѣ сердце чувствительное, но она же злодѣйка обошла красотою; пришло время любви — и ты полюбила молодца — красавчика: у отца твоего кладовая полна серебра, возлюбленный твой бѣденъ—и съ радостію полюбилъ бы тебя за золото, за богатство, женился бы на серебряныхъ мѣшкахъ а тебя взялъ бы въ придачу...

Старикъ захохоталъ и страшное эхо раздалось по лѣсу... Настасія вздрогнула...

— Да, въ придачу продолжалъ неумолимый чародѣй, къ счастью или къ несчатію — дѣвушки думаютъ иначе, онѣ не довольны ласками подкупными, имъ не мила любовь, купленная на звонъ золота... А красоты нѣтъ! какъ же быть тутъ? Вотъ ты сокрушаться да плакать, гадать да думать—и выдумала: дай пойду въ черный боръ къ дѣду и куплю красоту дешевою цѣною и молодецъ меня полюбилъ и красавецъ будетъ мой! и придумала и припожаловала.. Старикъ снова захохоталъ, а Настасія снова смѣ-

шалась.—Въ головѣ ея, какъ и прежде, начала уже рождаться мысль о возвращеніи, но слова, но насмѣшливыя рѣчи колдуна и напоминаніе о миломъ сердцу взволновали грудь дѣвушки — и она забыла грѣхъ, который началъ овладѣвать ею, постигла всю справедливость его замѣчаній и съ большимъ спокойствіемъ приготовилась на все... Предъ колдуномъ стояла не робкая несчастливица, но безобразная дѣвушка, пришедшая купить у него красоту и любовь.

Старикъ! сказала она гордо, уволь меня отъ насмѣшекъ своихъ; ты знаешь зачѣмъ я пришла къ тебѣ; какія бы ни были твои условія, какъ бы ни ужасна была цѣна тобою назначенная, я на все согласна.... Исполняй же то, что надобно!...

Чародѣя поразила смѣлость дѣвушки. «Изволь, изволь, моя голубица!... Но подумай хорошенько, что за порядочную цѣну, ты купишь только красоту, которая надоѣдаетъ такъ же скоро, какъ ребенку игрушка, къ которой онъ приглядится; ты покупаешь любовь — правда?

для женщины это кое что значитъ а для меня не взыщи!... не стоитъ ни полушки!... Лебедушка моя, меня зовутъ колдуномъ, выгнали изъ сообщества людей чуждающихъ мною, а видишь ли, какъ я честенъ... за плату, которую возьму съ тебя — я готовъ дать тебѣ, вмѣстѣ съ любовію и красоту богатства несмѣтныя, почести и славу, цѣлыя царства... Согласна ли!...

Настасія нетерпѣливо топнула ногою. «Не нужно! вскричала она, ничего не нужно!... Если бы я имѣла царскій вѣнецъ, славу, почести - я все бы это бросила къ ногамъ его, за одинъ ласковый взглядъ, за одну привѣтливую улыбку... Богатства!... но куда мнѣ они. «Ну воля твоя, я хотѣлъ тебѣ же услужить. Чародѣй замолчалъ.

«Встань вотъ здѣсь! произнесъ онъ снова, указывая Настасіи мѣсто въ противоположномъ углу, и чтобы не увидѣла ты, чтобы не услышала, чтобы здѣсь не происходило ни слова, ни шагу.

Сказавши это старикъ, очертилъ около каменнаго стола кругъ, проговорилъ

какія-то невнятныя слова и на камнѣ вспыхнуло пламя, которое то озаряло пещеру красноватымъ пламенемъ, то замирало... Чародѣй началъ напѣвать какую-то погребальную пѣсню, срывалъ пучки сухой травы со стѣнъ и со свода пещеры и быстро, проворно закружился, какъ змѣй около стола, бросалъ въ огонь таинственныя травы и дикіе вопли раздались, то невнятно и слабо, подобно отдаленному вою вѣтра, то подобно сильному реву потока, вырвавшагося изъ скалы и несущагося съ быстротою молніи, по каменистому, неровному ложу...

На столѣ вспыхнуло бѣлое блистательное пламя, подобно рѣкѣ чистаго серебра... Еще какіе-то коренья упали въ огонь и блѣдныя, сѣроватыя облака, подымаясь тонкими струями изъ пламени, начали клубиться, увеличиваться... Все померкло подъ густымъ слоемъ этихъ облаковъ, съ воплемъ и воемъ ворвался въ пещеру вѣтеръ, грохотъ и трескъ раздались подъ страшными сводами..

Но ужасная буря продолжалась недолго, скоро все замолкло, на камнѣ

догоралъ слабый огонекъ... Пещера приняла очаровательный видъ: стѣны покрывались широкими листьями, цвѣты благоухали въ полной красѣ очаровательной весны и соловей заливался въ тѣни листьевъ и воздухъ вѣялъ чудною прохладою... Мальчикъ по прежнему сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и игралъ лукомъ, старикъ любовался его занятьями... Но гдѣ же Настасія... ея нѣтъ, а кто эта чудная, дивная красавица, что лежитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ несчастная дѣвушка, дрожала отъ ужаса, глядя на чарованія старика?... Неужели это она— она купившая страшною цѣною красоту—свою?

Прикосновеніе холодной руки страшнаго старика возвратило красавицѣ чувство... Она открыла глаза. Колдунъ подалъ ей сосудъ съ водою: «у меня нѣтъ другаго зеркала, сказалъ онъ смотрись и любуйся собою довольна ли ты?...

Дѣвушка поднялась съ мѣста, устремила любопытный взоръ въ сосудъ и вскрикнула отъ удивленія и восторга.

«Теперь ты довольна своею красотою

я это вижу!... продолжалъ чародѣй а вотъ кольцо,—которое доставитъ тебѣ ожидаемую любовь и счастіе!... Старикъ подалъ ей золото кольцо: «Но слушай присовокупилъ онъ, отнынѣ ты принадлежишь другому властителю судебъ!... Знай и помни, что принятіемъ кольца, ты наложила уже на себя клеймо отверженія отъ неба! Ты должна забыть о немъ—и горе, горе тебѣ, если помыслишь отвратиться отъ того, кому отдала себя, горе и напасть ожидаетъ тебя — если вздумаешь снова о потерянномъ для тебя небѣ, ты лишишься красоты, съ красотою лишишься счастія; тебя постигнетъ адское мученіе. . Помни собственныя слова свои: я готова, я согласна на все, какъ бы ни велика была цѣна, какъ бы ни ужасны были условія! Съ этой минуты ты уже не должна возвращаться въ домъ отца твоего, останься со мною—и не пройдетъ недѣли, какъ судьба приведетъ къ тебѣ твоего возлюбленнаго.

.....

ГЛАВА II.

Неудача Новгородцевъ

Похищеніе.—Молва.—Тоска въ кубкѣ съ виномъ.—Хижина.—Приготовленіе къ защитѣ.—Совѣтъ.—Мудрыя рѣчи архіепископа.—Нечестивый Еретики.—Изобличитель.—Совѣтъ нечестивыхъ.

На другой день въ Новгородѣ разнеслась молва, что дочь гражданина Карпа Стригольникова пропала въ ночное время безъ вѣсти.. Въ ту же самую ночь надъ Новгородомъ разразилась страшная буря, какіе-то огненные столпы ходили надъ чернымъ боромъ, вьюга сорвала нѣсколько крышъ съ жилищъ Новгородскихъ гражданъ и старые люди толковали, что буря эта есть предвѣстіе тяжкой годины, которая постигнетъ ихъ родину... Были люди, которые начали явственнѣе толковать о ереси Карпа

Стригольника, приписывая погибель его дочери наказанію Божескому. Горевалъ самъ Карпъ Стригольникъ, но опутанный сѣтями порока — не спѣшилъ, по примѣру народа православнаго въ храмъ Божій — молиться объ отвращеніи невзгоды, о прощеніи... онъ бражничалъ съ клевретами своими попрежнему; знать, что думалъ въ кубкѣ вина утопить тоску, кручину свою.

Черный боръ съ сей роковой ночи сталъ еще неприступнѣе и никто не смѣлъ и днемъ подойти къ нему, а всякій, взглянувши на его синюю даль, крестился и творилъ молитву усердную... Потому-то никто не зналъ, что въ эту ночь не стало страшной пещеры чудесника, а на мѣсто ея явилась избушка простая, хижинка новенькая и въ этой хижинкѣ жила старушка съ красавицей дочкою... Кто онѣ были такія, откуда взялись — никто этого не зналъ и не вѣдалъ потому, что бѣгали страшнаго мѣста, какъ проклятаго.. Да и то сказать, не до пещеры кудесниковой было вели-

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

ГЛАВА II.

Неудача Новгородцевъ

Похищеніе.—Молва.—Тоска въ кубкѣ съ виномъ.—Хижина.—Приготовленіе къ защитѣ.—Совѣтъ.—Мудрыя рѣчи архіепископа.—Нечестивый Еретики.—Изобличитель.—Совѣтъ нечестивыхъ.

На другой день въ Новгородѣ разнеслась молва, что дочь гражданина Карпа Стригольникова пропала въ ночное время безъ вѣсти.. Въ ту же самую ночь надъ Новгородомъ разразилась страшная буря, какіе-то огненные столпы ходили надъ чернымъ боромъ, вьюга сорвала нѣсколько крышъ съ жилищъ Новгородскихъ гражданъ и старые люди толковали, что буря эта есть предвѣстіе тяжкой годины, которая постигнетъ ихъ родину... Были люди, которые начали явственнѣе толковать о ереси Карпа

Стригольника, приписывая погибель его дочери наказанію Божескому. Горевалъ самъ Карпъ Стригольникъ, но опутанный сѣтями порока — не спѣшилъ, по примѣру народа православнаго въ храмъ Божій — молиться объ отвращеніи невзгоды, о прощеніи... онъ бражничалъ съ клевретами своими попрежнему; знать, что думалъ въ кубкѣ вина утопить тоску, кручину свою.

Черный боръ съ сей роковой ночи сталъ еще неприступнѣе и никто не смѣлъ и днемъ подойти къ нему, а всякій, взглянувши на его синюю даль, крестился и творилъ молитву усердную... Потому-то никто не зналъ, что въ эту ночь не стало страшной пещеры чудесника, а на мѣсто ея явилась избушка простая, хижинка новенькая и въ этой хижинкѣ жила старушка съ красавицей дочкою... Кто онѣ были такія, откуда взялись — никто этого не зналъ и не вѣдалъ потому, что бѣгали страшнаго мѣста, какъ проклятаго.. Да и то сказать, не до пещеры кудесниковой было вели-

кому Новгороду .. Государь Дмитрій Іоанновичъ былъ уже не далеко отъ него...

Новгородцы укрѣпились. Валъ огражденъ былъ тыномъ; предмѣстья обращенныя собственными руками ихъ въ развалины, дымились, двадцать четыре монастыря въ окрестностяхъ и всѣ домы за рвомъ въ трехъ концахъ города, въ Плотинскомъ, въ Людинѣ и Перевскомъ — сдѣлались добычею пламени... многочисленное войско Новогородское, подъ предводительствомъ Князя Патрикія выступило въ поле, на встрѣчу къ непріятелю ..

Съ нетерпѣніемъ ожидали оставшіеся въ городѣ Новогородцы, чѣмъ кончится этотъ роковой походъ... Между тѣмъ въ домѣ Посадника собрался совѣтъ, на которомъ присутствовалъ архіепископъ Алексій и многіе сановники... между прочими находился Стригольникъ, діаконъ Никита и Архипъ Калина...

Посадникъ (архіепископу). И такъ, отче святый, не было никакихъ средствъ склонить Великаго Князя?...

Алексѣй. Все было тщетно, сынъ

мой. Великій Князь Дмитрій Іоанновичъ огорченъ крамолами Новгородцевъ, онъ также не хочетъ простить насъ за то, что мы на Софійскомъ Вѣчѣ своемъ самовольно отложились отъ власти митрополита Московскаго... Въ этомъ онъ видитъ намѣреніе Новогородцевъ отложиться и отъ его власти!... Не напрасно я отсовѣтовалъ вамъ предаваться самоволію, не даромъ долго я не соглашался на ваши мнѣнія; я предвидѣлъ это несчастіе. Помилуй мя Господи! виждь смиреніе мое!

Карпъ Стригольникъ. Владыко святый! Ты лучше меня знаешь писаніе Божіе, но и мы слыхали, что иногда смиреніе бываетъ паче гордости... Вольно было Софійскому Вѣчу рѣшиться на униженіе и отправить тебя съ выборными отъ всея Новогородскія земли просить помиловенія тогда, какъ многочисленная рать наша встрѣтила бы его мечами и копьями, ни единаго бы врага не осталось на поляхъ нашихъ... Софійское Вѣче рѣшаетъ единожды — и никогда не

отступаетъ отъ своихъ постановленій, что рѣшено - то свято!..

Алексій (вздыхаетъ). Я разумѣю тебя!.. Умолкни же человѣкъ льстивый и неправедный! Господь долготерпѣливъ - но придетъ часъ, когда обнаружатся дѣла твои... Не мнѣ быть обличителемъ твоимъ, но и не тебѣ судить о дѣлахъ отчизны... Еще нѣсколько словъ—и я бы могъ снять съ тебя личину притворства и лести... но да не буду предвозвѣстникомъ твоей гибели..

Діаконъ Никита. Владыко святый! позволь мнѣ отвѣчать за почтеннаго гражданина нашего.. Вотъ, чтобы онъ могъ отвѣчать тебѣ... знаешь Владыко, что совѣты злыхъ людей очернили и его и меня въ глазахъ твоихъ, знаю, что наши тайныя собранія, клонившіеся ко благу родины — преданы тебѣ въ видѣ противномъ... Не мы ли предостерегли Новогородцевъ въ предстоящей опасности не мы ли извѣстили васъ о нашествіи Великаго князя Московскаго?... И кто же, какая благодарность, какое воздаяніе...

Алексѣй (съ негодованіемъ). Умолкни, нечестивецъ!.. Я знаю поганую ересь вашу, я знаю цѣль гнусныхъ соображеній вашихъ я знаю несчастныхъ жертвъ завлеченныхъ вами въ сѣти порока и заблужденія. Повторяю, что одно мое слово могло бы изобличить васъ нечестивыхъ раскольниковъ, но я еще медлю; зане не приспѣлъ часъ воли Божіей... Но отъ сей минуты ты уже не можешь предстоять предъ престоломъ Господнимъ. съ сей минуты я отрѣшаю тебя отъ церкви, — ты не достоинъ приносить чистыхъ жертвъ Господу, — ты не діаконъ болѣе... Вотъ вамъ послѣднія слова мои; петелъ не пропоетъ трижды и Господь изобличитъ ересь вашу и ваши злыя намѣренія и козни!...

Въ это время Архипъ Калина встаетъ съ своего мѣста и хочетъ говорить.

Алексѣй (замѣтя его движеніе). Еще крамольникъ!... и этотъ рабъ, измѣнившій своему государю, дерзаетъ говорить... (Посаднику): Господинъ посадникъ! грѣхъ и срамъ тебѣ, что ты въ честное собраніе допустилъ враговъ православія и

родины... Къ чему они здѣсь, кому хотятъ и кому смѣютъ подавать совѣты?... Изжени ихъ вонъ, яко плевелы отъ нивы благодатной! Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, но сто кратъ блаженнѣе тотъ, кто не пускаетъ нечестиваго въ совѣтъ свой, яко волка хищнаго въ смиренное стадо!...

На улицѣ слышится шумъ, говоръ народа, топотъ коней...

ГЛАВА III.

Крамольники — наказаны.

Князь Патрикій.—Побѣда. — Условія.—Повинная 8000 рублей.—Великокняжескіе доходы.—Казнь ерётиковъ. — Оправданіе. — Улики.—Рѣшеніе.—Требованіе народа. — Спасеніе.—Неизвѣстный старикъ.

Дверь свѣтлицы, гдѣ было совѣщаніе, отворилась и Князь Патрикій, предводитель Новогородскаго войска быстро вбѣжалъ блѣдный... разстроенный, въ одеждѣ, которая явно отзывалась безпорядкомъ... Всѣ присутствующіе обратили на него любопытные взоры.

Патрикій. Все кончено! Мы разбиты!.. Князь Димитрій Іоанновичъ самъ

предводительствуетъ войскомъ, и какъ не бились мы — ничто не помогло... воины мои бѣжали и вѣрно бы сдѣлались добычею побѣдителей, но Великій Князь — еще милосердуетъ къ намъ... Онъ согласенъ даровать Новгороду прощеніе — и вотъ условія, которыя онъ предлагаетъ намъ — внимайте!

Алексій. Говори, князь, говори скорѣе, а вы доалiи мужи града достохвальнаго внимайте не однимъ слухомъ, но и сердцемъ — и Господь мира до осѣнитъ васъ крыломъ своимъ...

Патрикій. Великій Князь требуетъ, чтобы архіепископъ, посадникъ и избранные люди пришли съ повинною въ станъ его, испросили бы прощенія въ бывшихъ крамолахъ — и имъ онъ изрѣчетъ милость свою... Согласны-ли?..

Посадникъ и съ нимъ нѣсколько голосовъ. Согласны, согласны!

Скригольникъ и клевреты его молчатъ.

Патрикій. Великій Князь соглашается за долговременныя крамолы наши принять уже предлагаемую нами по-

дать единовременную 8000 рублей... Согласны ли вы внести ее?..

Нѣсколько голосовъ. Согласны, согласны!..

Посадникъ. 3000 рублей уже готовы возьмемъ ихъ сей же часъ изъ Софійскаго сокровища; за сборомъ остальныхъ 5000 нем-дленно отправляемъ посланныхъ въ Двинскую землю...

Патрикій Великій Князь требуетъ, чтобы Новгородъ уплачивалъ ему безропотно его Великокняжескіе доходы...

Общій знакъ одобренія.

Посадникъ. На все согласны, какое еще условіе?..

Патрикій. Одно и послѣднее: Димитрій Іоанновичъ, за исполненіемъ всѣхъ вышеизложенныхъ мною условій, соглашается простить великій Новгородъ не иначе, когда мы снова предоставимъ духовную власть митрополиту Московскому и испросимъ у него архипастырское благословеніе и прощеніе, когда мы или выдадимъ начальниковъ сей ереси Карпа Стригольника, Діакона Никиту и бѣглеца его Архипку Калину—ему

головою или казнимъ ихъ въ примѣръ прочимъ еретикамъ... Согласны ли граждане?..

Въ собраніи начинается ропотъ, одни изъявляютъ согласіе, другіе говорятъ противное...

Стригольникъ, (блѣдный разстроенный духомъ, встаетъ съ своего мѣста). Господинъ посадникъ! и ты св. владыко!.. И вождь ты Новогородской рати! и вы граждане! до сихъ поръ вы вѣрили нашему усердію и что Діаконъ Никита сказалъ нѣсколько минутъ тому назадъ — то я повторяю теперь: злые люди навѣтами своими старались очернить насъ, выставить съ черной стороны наше усердіе! я былъ всегда вѣрнымъ слугою Новогорода — и врагомъ непримиримымъ Князя Московскаго, и онъ требуетъ головы моей, но разсудите граждане должны ли вы исполнить сіи требованія .. Князь Димитрій и самъ владыко нашъ называетъ меня и друзей моихъ еретиками... раскольниками но гдѣ же доказательства? И злодѣй безъ суда и уликъ не наказуется!..

Патрикій. Молчи, коварный старикъ, стыдъ и срамъ положилъ ты на чело благородныхъ Новгородцевъ послѣдовавшихъ злому совѣту твоему, но горе тебѣ, когда будутъ ясны передъ народомъ всѣ твои козни тайныя...

Ты требуешь уличителя — онъ готовъ! Внимай, зри и трепещи!..

Патрикій подаетъ знакъ, въ свѣтлицу является молодой человѣкъ... Стригольникъ и клевреты его трепещутъ.

Патрикій. (Молодому человѣку). Повѣдай намъ всю тайну, молодой человѣкъ, повѣдай, какъ повѣдалъ въ раскаяніи государю твоему Князю Московскому...

Молодой человѣкъ (выходитъ на средину, кланяется на всѣ стороны и начинаетъ). Граждане Новогородскіе и ты, Владыко! примите мое вторичное раскаяніе: я уроженецъ Московскій, но оставшись въ младенчествѣ круглымъ сиротою, не помню моихъ родителей; говорятъ они были достаточны и богаты, но вотъ кто воспитывалъ и былъ опекуномъ моимъ, (онъ, говоря это, ука-

зываетъ на Архипа Калину, который старается скрыть свое лицо въ толпѣ народа) и я остался нищимъ. Этаго мало, лишивши меня блага тлѣннаго, земнаго, Калина, хотѣлъ лишить меня и блага небеснаго, онъ привезъ меня съ собою въ Новгородъ обманомъ и обѣщаніями, старался внушить мнѣ самые гнусныя мысли противу законнаго Государя моего и я палъ въ сѣти искушенія... Здѣсь въ Новогородѣ Калина ввелъ меня въ домъ Карпа Стригольника — и я участвовалъ на всѣхъ ихъ тайныхъ собраніяхъ; показывая личину, что хотятъ уклониться только отъ власти Московскаго Митрополита, они втайнѣ замышляли низвергнуть власть Архіепископа Новгородскаго и всѣ гражданскія власти... Они заранѣе распорядили между собою высшія власти и Карпъ Стригольникъ заранѣе восхищался мыслію, что онъ будетъ Посадникомъ, Діаконъ Никита именовалъ себя Архіепископомъ, а Калина надѣялся получить владѣнія князя Патрикія...

Въ собраніи снова начинается говоръ...

Посадникъ, (Архіепископу). Отецъ святый! рѣши, что должно предпринять..

Алексій. Я ли буду обличителемъ и судіей еретиковъ и начальниковъ нашего несчастія?.. Десница Всевышняго не замедлила наказать ихъ... Рѣшайте сами!..

Посадникъ. Улики ясны! до сихъ поръ гражданинъ Стригольникъ и прочіе обвиняемые были вѣрными слугами Новогорода... Какъ рѣшить?..

Голосъ въ толпѣ. Невозможно!

Нѣсколько голосовъ. Не выдадимъ.

Патрикій (съ запальчивостію). Не выдадите!.. да. васъ и не спрашиваютъ объ этомъ... Я далъ слово князю Димитрію Іоанновичу, войско подтвердило слова мои клятвою и еретики должны погибнуть!.. Слышите ли погибнуть? или ни одного ратника не увидите вы въ стѣнахъ Новогородцевъ и горе вамъ!..

Голоса подъ окнами. Подайте намъ измѣнниковъ! Смерть измѣнникамъ и еретикамъ!..

Патрикій. Слышитъ-ли голоса тысячи народа, все кончено, участь ихъ рѣшена!..

Въ это время толпы воиновъ и черни Новогородской врываются въ свѣтлицу... Не смотря на увѣщанія Архипастыря — они хватаютъ Стригольника, Діакона Никиту и Калину... влекутъ ихъ къ берегу Волхова, гдѣ рѣка не замерзаетъ даже зимою и уже изъ дали слышны неистовые крики: смерть измѣнникамъ, смерть еретикамъ!..

Въ то время, какъ разъяренная толпа влачила трехъ еретиковъ, знакомый намъ бояринъ Александръ подскакалъ къ дому Посадника; онъ готовъ уже былъ соскочить съ лошади, какъ вдругъ сквозь толпу народа пробрался старикъ, съ отвратительною наружностію...

«Спасайся, вскричалъ онъ, ухвативши подъ-уздцы лошадь боярина, или ты погибъ!.. Съ этимъ словомъ старикъ ударилъ лошадь, та поднялась на дыбы, понесла всадника и въ то-же время въ народѣ раздались крики: «лови, держи еретика, это сообщникъ Стригольника,

это врагъ нашъ!.. Вслѣдъ за криками раздались два – три выстрѣла: кровь заструилась по охобню боярина, но онъ удержался на сѣдлѣ, и конь умчалъ его прямо въ средину густаго чернаго бора... Народъ, видя то, творилъ молитву...

ГЛАВА IV.

Погибель и спасеніе.

Волховъ. — Три жертвы. — Покояніе уже поздно! — Хижина въ черномъ бору. — Больной. — Красавица. — Старуха. — Сонъ. — Признаніе въ любви. — Первый поцѣлуй.

Между тѣмъ толпы разъяреннаго народа бѣжали къ Волхову, влача безъ всякаго сожалѣнія трехъ клевретовъ-раскольниковъ, и вотъ они очутились уже на высокомъ мосту... Волховъ, не поддававшійся ледянымъ оковамъ, бушевалъ и клубился въ этомъ мѣстѣ бѣлою пѣною...

Одинъ изъ толпы. Ну, что задумались ребята, аль сжалились надъ еретиками? Что ихъ жалѣть — пускай ловятъ раковъ!

Другой изъ толпы. Вотъ еще нашелъ къ кому жалость, да по моему

это наказаніе еще не наказаніе а милость имъ; разстерзать бы разбойник въ по частямъ, разнять бы ихъ по составамъ, а потомъ сложить въ куль, да и въ воду — вотъ какъ, вотъ чего они стоятъ!

Третій. Ну что же, принимайтесь за дѣло?

Стригольнику, Никитѣ и Калинѣ, навязываютъ огромные жернова на шею...

Стригольникъ, православные! напрасно погибаю...

Четвертый изъ толпы. Знаемъ, что напрасно — вѣдь по твоему, еретикомъ быть грѣха на волосъ нѣтъ!..

Діаконъ Никита. Дайте хоть покаяться!...

Пятый. Ой ли! а ты развѣ приводилъ людей къ покаянію...

Калина. Граждане! пожалѣйте, жена и дѣти умрутъ съ голоду!

Шестый. Тебя жалѣть измѣнника... Дѣти не умрутъ не бойся, они невинны и имъ государь будетъ отцомъ...

Толпа съ яростію бросается на еретиковъ, подымаетъ ихъ вмѣстѣ съ жер-

новами и кидаетъ съ мосту... Волны рѣки разступаются, пѣнятся, слышатся слабые вопли—и потомъ все утихаетъ... Толпы народа расходятся по домамъ...

Было утро, зимнее, но прелестное ненаглядное утро, съ его бирюзовымъ небомъ, съ блѣднымъ, но свѣтлымъ солнцемъ, съ миріадами брилліантовъ и алмазовъ, сіяющихъ на безчисленномъ множествѣ снѣжныхъ блесковъ.

Черный боръ казался не слишкомъ страшнымъ, но все таки не находилось въ великомъ Новгородѣ смѣльчака, который бы вздумалъ проникнуть во внутренность проклятаго мѣста и потому, любезные читатели, мы по не обходимости должны отправиться одни въ это страшное логовище и посмотрѣть, что дѣлается въ хижинѣ, которая явилась въ черномъ бору, на нѣсколько времени предъ симъ, на мѣсто пещеры кудесника.

Внутри, въ довольно пространной и чистой избѣ, на простой соломенной постели, лежалъ молодой человѣкъ... Онъ покоился сладкимъ сномъ... Воспользуемся нѣсколькими минутами спокойствія

и всмотримся внимательно въ черты лица его... Молодой человѣкъ былъ блѣденъ, признаки болѣзни, хотя уже исчезающей, но нѣкогда сильной,— оставили на немъ ясные слѣды свои, голова и грудь его были тщательно увязаны и на поблекшихъ устахъ, то появлялась какая то сладостная улыбка удовольствія, то брови его судорожно сжимались — явно было, что онъ во снѣ и радовался и страдалъ.... Но не смотря на блѣдное, болѣзненное лице молодаго человѣка— онъ былъ красивъ собою.

Подлѣ постели больнаго сидѣла молодая красавица.., Она пристально смотрѣла на спящаго юношу, слѣдила за каждымъ движеніемъ его и время отъ времени, слеза, подобно жемчужинѣ, скатывалась съ ея длинной, черной рѣсницы...

Не подалеку отъ постели-же больнаго подлѣ большой русской печки сидѣла старуха за прялкою, она радушно и ласково глядѣла на молодую чету,—но въ зеленыхъ глазахъ ея замѣтна была какая-то злобная радость... Однимъ сло-

вомъ старуха эта показалась бы всякому отвратительною.

Около часу незнакомецъ пробылъ въ забытьи,—около часу красавица пробыла у ложа его неподвижною, любуясь блѣднымъ челомъ его: наконецъ она склонилась надъ изголовьемъ и пламенный, страстный поцѣлуй ея зарумянилъ щеку незнакомца..... Онъ проснулся...

— Ахъ! какъ я сладко спалъ, изрѣдка страшныя грезы тревожили мое воображеніе..., но въ то-же время твой милый образъ явился предо мною и я былъ веселъ...

Эти слова были сказаны красавицѣ... она закраснѣлась и, упавши на грудь къ нему, зарыдала...

— Мой милый! сказала она, я вѣрю любви твоей; то, что ты однажды сказалъ мнѣ, — я считаю закономъ, но не-тревожь себя мечтами... успокойся...

Молодой человѣкъ взялъ ея руку: «ненагляцная моя! сама судьба привела меня сюда — и ты и твоя добрая тетка подали мнѣ помощь незаслуженную, вы спасли меня... вы возвратили меня къ

жизни... но вы же отняли у меня спокойствіе душевное... Да! лучше бы мнѣ было не видать тебя, Настасія, лучше бы было умереть.., А теперь, возвратившись къ жизни.., я—изгнанникъ и врагъ моей родины - смѣю ли надѣяться на любовь твою, смѣю ли думать что ты можешь принадлежать мнѣ?...

Оставь твою неумѣстную благодарность, бояринъ Александръ, начала старуха, бросивши на красавицу и на молодаго человѣка - хитрый взглядъ, помочь тебѣ былъ долгъ нашъ, долгъ всякаго добраго человѣка... Ты называешь себя изгнанникомъ, но только выздоравливай скорѣе и изгнаніе твое кончится; Русь - не клиномъ сошлась, не въ Новгородѣ такъ въ Москвѣ, не въ Москвѣ — такъ въ Твери,—не въ Твери—такъ въ Ливоніи вездѣ примутъ тебя и снова зацвѣтетъ нашъ бояринъ Александръ, словно маковъ цвѣтъ! О Настасьюшкѣ моей, я тоже скажу правду – истину: правда, роду она не простаго, воспитана на сластяхъ, по боярски; теперь судьба оборотилась къ ней не лицомъ, а задомъ...

ну! да, что же за бѣда, по крайней мѣрѣ, въ денежкахъ недостатка не будетъ!.. Выздоравливай бояринъ! я человѣкъ старый,—опытный—люблю говорить правду сущую и скажу откровенно; коли Настасьюшка тебѣ по сердцу, за мною дѣло не станетъ, не пиво варить, не медъ курить, веселымъ пиркомъ—да и за свадебку!...

На щекахъ больнаго заигралъ румянецъ, красавица покраснѣла; въ то же время старуха вышла изъ свѣтлицы, какъ будто по какой-то надобности, приложила ухо къ двери—въ свѣтлицѣ раздался поцѣлуй,—она злобно улыбнулась...

ГЛАВА V.

Счастіе.

Выздоровленіе. — Прогулки.—Охота.—Радостная встрѣча.—Однообразная жизнь. — Счастіе.—Зима, весна, лѣто и осень. — Пустая хижина.— Воспоминаніе.

Желаніе молодыхъ людей и предсказаніе старухи исполнилось: бояринъ Александръ выздоравливалъ, со дня на день, болѣе и болѣе... Онъ уже началъ вставать съ постели, выходить изъ хижины и, поддерживаемый Настасіею, часто по цѣлымъ днямъ прогуливался по черному бору.. .. О! съ какимъ удовольствіемъ они пробѣгали тропинку за тропинкою, съ какимъ восторгомъ любовались каждымъ цвѣточкомъ – и какъ пріятно раздѣляли послѣ усталости – скромную трапезу...

Наконецъ Александръ поправился уже совершенно: онъ могъ одинъ отлучиться

изъ хижины и, повѣсившиза плеча метkую пищаль, отправлялся въ чащу чернаго бора...

Настасія между тѣмъ сидѣла у окна и внимательно прислушивалась къ отдаленному гулу его выстрѣловъ.

Наступалъ вечеръ—и она бѣжала, по знакомой, извилистой тропинкѣ на встрѣчу своему возлюбленному, бросалась къ нему на шею—и они вдвоемъ возвращались домой...

Однообразно начинался, однообразно кончался каждый день.... но они были и веселы и довольны, а сладкія мечты о будущемъ убаюкивали ихъ воображеніе—свѣтлыми картинами счастія..

Такъ прошла зима; миновала весна—и лѣта какъ не бывало... любовники жили по прежнему... Но вотъ тяжелая, скучная осень явилась съ своими вихрями и дождями... и хижина въ черномъ бору опустѣла, дорожку занесло валежникомъ, вѣтеръ ходилъ въ той свѣтлицѣ, гдѣ нѣкогда раздавались дружескія рѣчи, веселый соловей улетѣлъ съ знакомаго гнѣздышка... Исчезла старуха—

хозяйка хижины, не стало Настасіи, не стало боярина Александра и только, время отъ времени чернь Новгородская вспоминала о нихъ... при разсказахъ о Стригольникѣ.

ГЛАВА VI.

Боже спаси меня.

19 Мая. — Кончина Димитрія-Іоанновича Донскаго. — Князь Василій Димитріевичъ. — Любимецъ. — Дорогая жемчужина. — Счастливая чета. — Дочь. — Разлука. — Ужасное происшествіе. — Буря. — Мать и дочь. — Безобразіе возвращается, — Разлука. — Похороны. — Монахиня. — Прохожій.

19 го Мая 1389 года скончался Димитрій Донской, извѣстный по исторіи за героя, заслужившій отъ современниковъ названіе орла высокопарнаго и младенецъ незлобіемъ, умѣвшій казнить злодѣевъ... На престолъ Великокняжескій взошелъ юный сынъ его Василій... Достойный преемникъ великаго отца своего, онъ не терпѣлъ раскаенныхъ враговъ нецарствованія Ди-

митрія, но прощалъ и богато одарялъ своими милостынями—тѣхъ, которые просили помилованія...

Въ числѣ послѣднихъ былъ бояринъ Александръ, нѣкогда врагъ Димитрія Донскаго, нынѣ вѣрный слуга сына его Василія Димитріевича и любимецъ его...

Съ 1387 года Александръ жилъ въ Москвѣ, уже славившейся каменнымъ Кремлемъ своимъ и получившей съ того времени наименованіе бѣлокаменной. Жилъ Александръ въ самомъ Кремлѣ, въ палатахъ жалованныхъ самимъ Великимъ Княземъ Василіемъ Димитріевичемъ — и всѣ ему завидовали, и никто не зналъ — счету богатствамъ и казнѣ его... Но нѣтъ! не столько завидовали всѣ богатствамъ боярина, что лежали запертыми съ сундукахъ его, болѣе всѣхъ сокровищъ цѣнили одну жемчужину, его супругу, ненаглядную Настасію, прозванною прекрасной... Былъ ли самъ бояринъ счастливъ своею супругою или своимъ достояніемъ — ужъ и говорить нечего...

Незамѣтно промчались четыре года и

утонули въ вѣчности, унося на крыльяхъ своихъ только слезы восторга, только упоеніе радости и восторга любви...

Съ исходомъ четвертаго года, новая радость ознаменовала любовь молодыхъ супруговъ — единственная радость, которая могла увеличить ихъ счастіе — рожденіе ихъ милой дочери....

Настасія была и напередъ сего счастлива: она любила горячо, пламенно; ей отвѣчали подобною же любовію, — но теперь испытаніе земнаго блаженства достигло высшей степени. Настасія стала матерью.... люди безчувственные! холостяки, утопающіе въ безднѣ сладострастія, устарѣлыя красавицы! вы не понимаете этого наслажденія, не для васъ рѣчь моя, не читайте ничего кромѣ Поль-де-Кока, — это вашъ крѣпостный авторъ, думайте только о волокитствѣ, о побѣдахъ, о перемѣнѣ любовниковъ, старайтесь влюблять и служить цѣлому свѣту памятниками безчувственности, обломками заблужденій...

Настасія была счастлива: она имѣла

дочь — и дочь эта была залогомъ пламенной любви ея....

Насталъ 1382 годъ. Маленькая дочь Настасіи, служившая ей и Александру единственнымъ утѣшеніемъ, мало по малу подрастала а, подрастая становилась смышленѣе и какъ бы умнѣе?... Настасія болѣе и болѣе восхищалась ею.. но, какъ говорятъ люди старинные,—и «на свѣтломъ небѣ не безъ облачка»!.. вдругъ горе хотя и небольшое помрачило свѣтлые дни Настасіи...

Крамольные Новгородцы, съ возшествіемъ Василія на престолъ Великокняжескій, снова забыли подчиненность и клятвы свои и не согласились платить черной или народной дани,—и Великій Князь, желая первоначально склонить мятежниковъ къ повиновенію не оружіемъ, а увѣщаніеми — поручилъ боярину Александру съѣздить въ Новгородъ и говорить рѣчь Виликокняжескую на Софійскомъ Вѣчѣ... Честь для всякаго лестная... но Александру горько было оставить молодую, любимую супругу и малолѣтнюю дочь—единственное свое утѣ-

шеніе. Настасія плакала, прощаясь съ супругомъ и, если бы долгъ матери не удерживалъ ея въ Москвѣ, она полетѣла бы за Александромъ... Дѣлать было нечего, для русскаго воля Государя—священный законъ – и супруги разстались...

Александръ уѣхалъ и съ нимъ улетѣла веселость души Настасіи... Она съ утра до вечера просиживала у постели дочери или мрачная, блѣдная сидѣла запершись въ своей спальнѣ... отъ чего вдругъ случилась такая перемѣна?... Состояніе Настасіи не укрылось отъ любопытнаго взора домашнихъ и всѣ съ удивленіемъ начали глядѣть на нее; потомъ возбудилось подозрѣніе; наконецъ стали подозрѣвать ее... и все заключилось тѣмъ, что за Настасіею стали подсматривать...

Однажды, вечеромъ, Настасія вбѣжала въ дѣтскую, разстроенная блѣдная, какъ смерть... Она бросилась! на скамью, едва переводя духъ... «Дочь мою! вскричала она, отдать ему мою дочь! нѣтъ! нѣтъ! лучше всего лишусь! И схвативъ дитя изъ рукъ няни, она крѣпко прижала къ

своей груди, словно страшась, что отнимутъ у нея ея сокровище... Всѣ домашніе столпились у дверей и украдкою, выглядывая поговаривали: «Охъ! тутъ что нибудь не доброе!... Ужасно было лицо Настасіи, блиставшее смертной блѣдностію, подъ раскиданными косами черныхъ волосъ...

Страшно свирѣпствовала буря... Ревѣлъ вихорь.... Громъ грохоталъ.... Вокругъ дома носились какіе-то несвязные звуки, словно стоны незримыхъ существъ.. Вдругъ судорожное движеніе потрясло нѣжный составъ младенца, который лежалъ на рукяхъ матери и стоналъ такъ жалобно и пронзительно, что всѣ поблѣднѣли отъ ужаса....

Съ невыразимымъ порывомъ отчаянія Настасія бросилась на колѣни.—Судорожно сжимая въ рукахъ своихъ ребенка, бѣдная мать вскрикнула раздирающимъ душу голосомъ: «Боже, милосердый! Все, все отдаю —только спаси меня, спаси дочь мою! Страшный подземный ударъ покалебалъ домъ и Настасію на-

нли лежащую безъ чувствъ вмѣстѣ съ милою дочерью.... обѣ были живы...

Глубокая тишина царствовала въ спальнѣ Настасіи, когда она начала приходить въ себя. Лучи разсвѣта едва, едва проникала сквозь голубые занавѣсы ея роскошной постели....

«Настасія! произнесъ съ неизъяснимою нѣжностію голосъ, слишкомъ знакомый ея сердцу какъ ты чувствуешь себя? И съ этими словами занавѣса распахнулась...

Успокойся другъ продолжалъ стоявшій подлѣ постели Александръ, успокойся—дочь наша жива!....

Услышавши эти слова, Настасія вскочила съ постели и упала на колѣни «Господи благодарю тебя? вскричала она... и потомъ обратившись къ мужу присовокупила: «прости, мой другъ, я знаю, что теряю тебя, но за то я примирилась съ небомъ и—спасла дочь мою; взгляни на меня—и прощай!

Александръ удивился словамъ Настасіи, которая въ это время стояла съ потупленнымъ челомъ; но когда она под-

нявши голову, взглянула на мужа крикъ отчаянія вырвался изъ груди его... Предъ нимъ стояла не красавица Настасія, которая спасла его въ черномъ бору — но Настасія дочь Карпа Стригольника, которую онъ видѣлъ въ домѣ съ подносомъ въ рукахъ, Настасія — въ полномъ видѣ первобытнаго безобразія.... но во взорахъ ея блестѣло что-то выше земнаго....

Никто не слыхалъ, что происходило между супругами. Чрезъ полчаса Александръ уѣхалъ изъ Москвы, прижавъ къ груди дочь. Съ тѣхъ поръ никто не слыхалъ о немъ ни слова ..

Минуло тридцать лѣтъ.... Князь Василій Димитріевичъ благополучно царствовалъ на Московскомъ престолѣ, но въ 1423 году святую Русь постигло несчастіе, подобное тому, которое нѣсколько разъ посѣщало ее со временъ Семеона гордаго — моровая язва...: Исковъ и Новгородъ, Москва и Тверь, Смоленскъ и Рязань постигнуты были симъ бичемъ человѣчества вездѣ принесшимъ за собою ужасы опустошенія. По извѣстію нѣмецкаго историка Крацца, въ Новго-

родѣ умерло восемьдесять тысячъ человѣкъ въ одинъ мѣсяцъ, люди, ходя, падали на улицахъ и въ одну минуту испускали духъ! здоровые шли погребать усопшихъ, внезапно лишаясь жизни, погребаемы были сами въ одной и той-же могилѣ....

Въ это-то самое время богатые похороны совершались въ Вознесенскомъ монастырѣ... Умершая была боярыня... Молодой, прекрасный супругъ провожалъ драгоцѣнный прахъ до могилы и въ то время, когда опустили тѣло въ землю и слои послѣдняго убѣжища застучали о гробовую крышу, одна изъ присутствовавшихъ при томъ монахинь лишилась чувствъ... Ей было уже около пятидесяти лѣтъ, если не болѣе, она была собою не красива, имя ея — Агриппина... Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя присутствовавшіе при томъ же обрядѣ могли собрать о ней; подлинное ея званіе и слова: «Машинька! другъ мой!... помяни въ обителяхъ небесныхъ рабу Божію Настасію и раба Божія Александра!» все это осталось тайною.... Въ то же время

какой-то прохожій, опершись на посохъ, плакалъ надъ могилою молодой бояры-ни но и его никто не зналъ....

Когда засыпали могилу и всѣ уже разошлись, прохожій все еще молился и плакалъ на прежнемъ мѣстѣ, и чудное дѣло—въ молитвахъ своихъ онъ поминалъ тѣ же самыя имена, которыя произносила монахиня. Онъ даже не принялъ обыкновеннаго страннического подаянія...

ГЛАВА VII.

Моровая язва въ Псковѣ.

Сговоръ Псковитянъ. — Костеръ. — Рѣчи на площади.—Вѣдьмы и чародѣй.—Нераскаяніе.—Страшная смерть.

Ни строгій постъ, ни усердная молитва, ни принятія монашествующаго образа — ничто ни спасало отъ моровой язвы... Господь простеръ гнѣвъ Свой, и ни строеніе церквей, ни пожертвованія ничто не могло умилостивить разгнѣванной, справедливой десницы его... Язва свирѣпствовала...

Народъ, привыкшій священные обряды и молитвенныя изліянія смѣшивать съ суевѣріемъ, когда найдетъ случай и средства – лѣчить снадобьями, заклинаньями и тому подобное.. И это такъ было.. Уже болѣе мѣсяца свирѣпствовала

въ Псковѣ моровая язва... Вдругъ къ удивленію многихъ, на главной площади воздвигся огромный, дровяный костеръ и народъ, съ ранняго утра явился туда, какъ на необыкновенное зрѣлище... Кругомъ костра ходили стражники, поодаль лежала солома и теплились фитили...

Старикъ. Господи, Боже мой!.. что за приготовленія, ужъ и такъ, кажись, не сладко, гнѣвъ Божій тяготитъ надъ грѣшными земли, а мы выдумываемъ казни, да пытки...

Стражникъ. Старикъ, старикъ! не тебѣ судить дѣла набольшихъ потому, что мы ихъ не разумѣемъ; по твоему небось беречь крамольниковъ, спускать еретикамъ, кланяться колдунамъ и вѣдьмамъ... Эхъ вы, народъ, народъ, смерть на носу, а не смекнете, что все несчастіе отъ волшебства.

Старикъ. Вотъ что! (кланяется стражнику). Прости, господинъ честной, мы люди не грамотные, — ничего не смыслимъ...

Стражникъ. (Съ важностію, разду-

вая фитиль). Того не смыслимъ... Не смыслимъ, такъ и говорить не приходится...

Молодой парень. А ужъ тото чай ребята колдунамъ и вѣдьмамъ будетъ не въ моготу, какъ привяжутъ ихъ къ костру, да запалятъ солому...

Горожанинъ. Вѣстимо: жарконько будетъ!.. Ну да и то сказать по дѣломъ вору и мука!..

Сидѣлецъ. А сколько, слышно, будутъ жечь супостатовъ?

Горожанинъ. Да, тюремщикъ—мой знакомецъ, говорилъ будто вишь двѣнадцать человѣкъ... Ну и то сказать, что тутъ двѣнадцать — одинъ вишь всѣхъ важнѣе — такой кудесникъ, что на поди, жилъ и въ Черномъ бору въ Новгородѣ, и въ Муромскихъ лѣсахъ, и шутъ его знаетъ гдѣ еще; — для него вишь преворотить красную дѣвицу къ молодому парню, жену сдѣлать козой, мужу приклеить оленьи рога все ни почемъ. Вотъ такъ спасибо, что вздумали эдакаго сжечь - туда ему и дорога!..

Старикъ. Эхъ! дѣтушки, дѣтушки

пусть надъ ними это и дѣется! время-то теперь не такое, прогнѣвали мы Господа, такъ должно бы молиться болѣе...

Молодой парень. Эхъ дядя Пантелей, набольшіе лучше нашего все знаютъ, коли рѣшили сжечь — такъ и быть тому... можетъ быть, и невзгода-то такая пришла на насъ за то, что мы до сихъ поръ не перевели кудесниковъ...

Старикъ. Эхъ, Андрюха, Андрюха! куда ты простоватъ: вѣдь мы, слава Господу, ужъ не язычники, бывало въ старину приносились такіе кровавыя жертвы Перуну да Чернобогу... а теперь ужъ не то время — Онъ творецъ небесный не требуетъ ни какихъ приношеній, кромѣ молитвы и раскаянія. Терпѣлъ Господь наши беззаконія — и мы забыли храмы Божіи... Посѣтилъ онъ насъ испытаніемъ — и мы спѣшимъ созидать новые, постригаемся, молимся да не такъ, какъ должно... Слова летятъ на небо, а мысли остаются на землѣ.

Ведутъ, ведутъ! раздалось вдругъ нѣсколько голосовъ, народъ разступился и на площади показалась толпа стражни-

ковъ, которая охраняла преступниковъ, изобличенныхъ въ колдовствѣ, чародѣйствѣ и ворожбѣ, и присужденныхъ къ ужасному наказанію... Всѣхъ ихъ было двѣнадцать человѣкъ, изъ числа коихъ одинадцать старыхъ, уродливыхъ женщинъ и одинъ старикъ — это былъ извѣстный намъ обитатель чернаго бора.

Когда конвой приблизился къ роковому костру, стражники разступились и дьякъ, вышедши на средину, началъ читать ириговоръ... Старухи по окончаніи чтенія завыли голосами, просили помилованія,—но на предложенія дьяка, не хотятъ ли раскаяться, — онѣ рѣшительно отказались...

Старикъ сохранилъ совершенное спокойствіе ни малѣйшей черты страха, ни малѣйшаго сожалѣнія о жизни... на сдѣланное ему предложеніе о раскаяніи, старикъ улыбнулся, отвѣчалъ: „съ малолѣтства я добыча ада — и теперь ли при видѣ этаго костра думать мнѣ о раѣ? И онъ твердою ногою ступилъ на костеръ...

Вскорѣ дымъ охватилъ ужасный одръ

смерти, смѣшанные крики и стоны двѣнадцати голосовъ смѣшались съ страшнымъ трескомъ сухаго дерева... и народъ толпился и смотрѣлъ, любовался подобнымъ зрѣлищемъ, а потомъ пересказывалъ, что въ то время, когда огонь охватилъ костеръ — въ видѣ вихря явился самъ нечистый и принялъ души своихъ слугъ...

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

I. ДѢВУШКА СЪ ЗЕЛЕНЫМИ ГЛАЗАМИ.

Стр.

—Карпъ Стригольникъ. Разумный человѣкъ и Богачъ. Семейство. Безобразная дѣвушка.—Зеркало. — Мечты и горе. — Старая мамка.—Иванъ Царевичъ и жаръ птица. — Любовь и красота.—Отчаяніе. 5

II. НОВОГОРОДСКІЕ ГРАЖДАНЕ.

Димитрій Іоанновичъ Донской. — Внутреннія крамолы.—Монголы. Литва и меченосцы.—Ночь. — Поздніе гости.—Звонокъ. — Діаконъ Никита. Вооруженная—Новогородская вольница.—Александръ Абакумовичъ Торжокъ.—Мщеніе.—Грамота Великокняжеская.—Вѣче, 17

III. ТАЙНОЕ СОВѢЩАНІЕ.

Пиръ.—Узникъ.—Новый сообщникъ.—Кубокъ.—Рѣчи.—Упрекъ.—Архипъ Калина.—Расколъ. Возмущеніе.—Умыслы и цѣль раскола.—Правда и честь.—Хитрость.—Деньги.—Мѣшокъ съ рублями.—Дочь и зять.—Дѣвушка.—Вѣчевой колоколъ. 27

— II —

IV. МЩЕНІЕ.

Рѣшеніе Новогородскаго Вѣча. — Димитрій Іоанновичъ Донской—и рать его.—Станъ великокняжескій — Князь и бояре. — Архіепископъ Новогородскій Алексій.—Благословеніе. —Мольбы и просьбы.— Отказъ. Рѣшеніе. . . 36

V. ЧЕРНЫЙ БОРЪ.

Полночь. — Путница. — Робость. Женщина.— Чистое поле. — Раздумье. Голосъ сердца. — —Мысль и отчаяніе. — Сумасшедшая. — Огонекъ.—Рѣшительность.—Пещера 41

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

I. ЧАРОДѢЙ.

Стр.

Пещера.—Мальчикъ. — Колдунъ. — Любовь за деньги. — Самолюбіе. — Богатство и почести чары.—Видѣніе.—Буря.—Красавица.— Завѣтное кольцо.—Печать отверженія 54

II. НЕУДАЧА НОВГОРОДЦЕВЪ.

Похищеніе.—Молва.—Тоска въ кубкѣ съ виномъ.—Хижина. — Приготовленіе къ защитѣ. —Совѣтъ.—Мудрыя рѣчи — Архіепископа.— Нечестивый.—Еретики.- Изобличитель. — Совѣтъ нечестивыхъ. 60

III. КРАМОЛЬНИКИ НАКАЗАНЫ.

Князь Патрикій.—Побѣда —Условія. — Повинная. — 800 рублей. Великокняжескіе доходы. —Казнь Еретиковъ.—Оправданія. — Улики.— Рѣшеніе – Требованіе народа — Спасеніе. — Неизвѣстный старикъ. . . . . .

IV. ПОГИБЕЛЬ И СПАСЕНІЕ.

Волховъ.—Три жертвы.—Покаяніе уже поздно!—Хижина—въ черномъ бору.—Больной.—Красавица.—Старуха.—Сонъ. — Признаніе въ любви.—Первый поцѣлуй 76

V. СЧАСТІЕ.

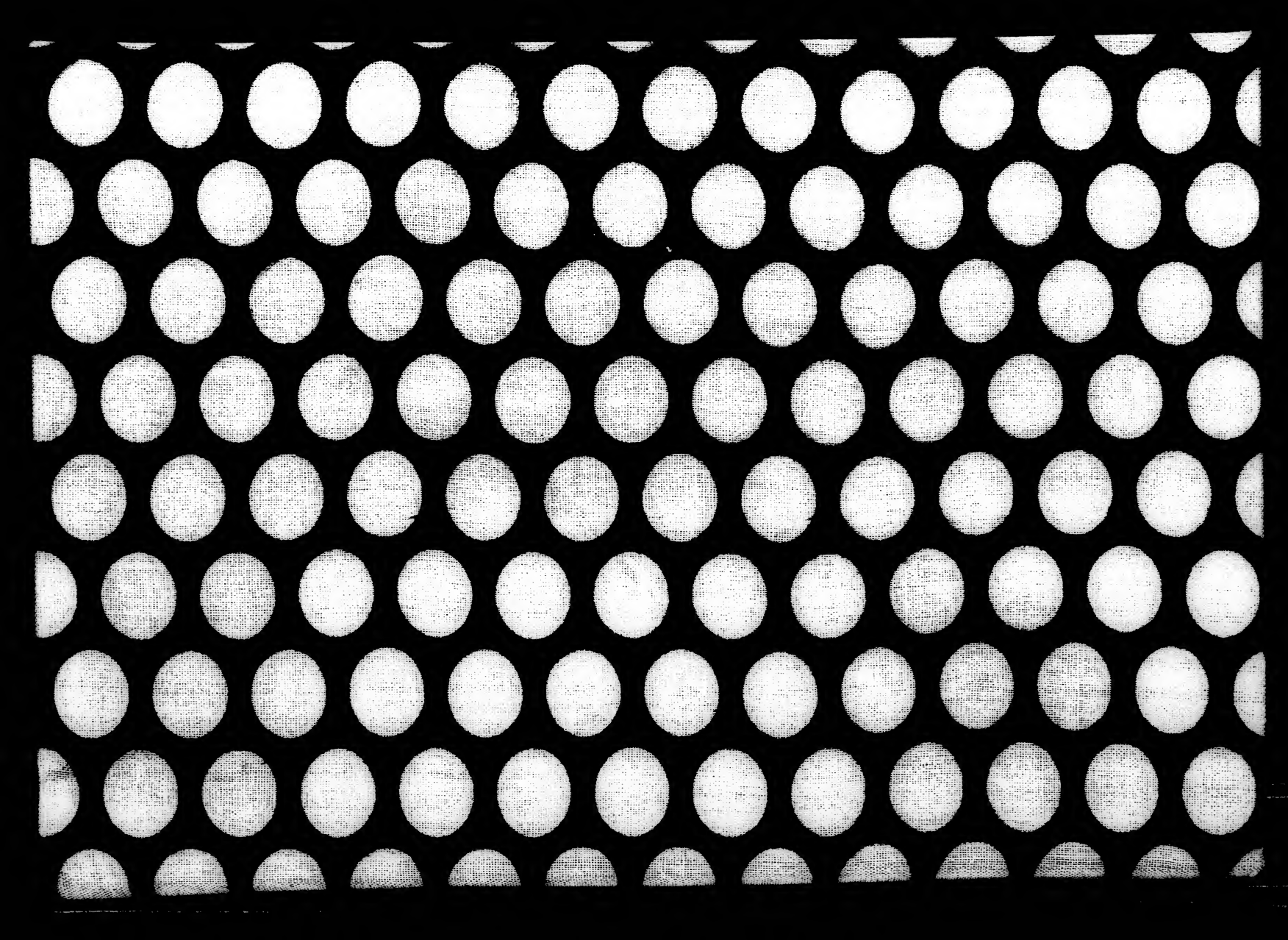
Выздоровленіе — Прогулки.—Охота.—Радостная встрѣча.—Однообразная жизнь.—Счастіе.—Зима, весна и лѣто.—Осень.—Пустая хижина.—Воспоминаніе. 83

VI БОЖЕ СПАСИ МЕНЯ!

19 Мая.—Кончина Димитрія Іоанновича Донскаго.—Князь Василій Димитріевичъ.— Любимецъ.—Дорогая жемчужина.—Счастливая чета.—Дочь.—Разлука.—Ужасное происшествіе, — Буря.—Мать и дочь.—Безобразіе возвращается.—Разлука.—Похороны.—Монахиня. — Прохожій. 86

VII. МОРОВАЯ ЯЗВА ВЪ ПСКОВѢ.

Суевѣріе—Псковитянъ.—Костеръ. — Рѣчи на площади. Вѣдьмы и чародѣй.—Нераскаяніе—Страшная смерть 89

W381.5917N-P847r

W117156